

Д. С. МЕРЕКОВСКИЙ

Дмитрий Сергеевич Мережковский

Полное собрание стихотворений

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176048

Д.С.Мережковский Стихотворения и поэмы: Москва; 2000

ISBN 5-7331-0189-X

Аннотация

«... Мережковский-поэт неотделим от Мережковского-критика и мыслителя. Его романы, драмы, стихи говорят о том же, о чем его исследования, статьи и фельетоны. „Символы“ развивают мысли „Вечных Спутников“, „Юлиан“ и „Леонардо“ воплощают в образах идеи книги о „Толстом и Достоевском“, „Павел“ и „Александр I и декабристы“ дают предпосылки к тем выводам, которые изложены Мережковским на столбцах „Речи“ и „Русского Слова“. Поэзия Мережковского – не ряд разрозненных стихотворений, подсказанных случайностями жизни, каковы, напр., стихи его сверстника, настоящего, прирожденного поэта, К. Фофанова. Поэзия Мережковского не импровизация, а развитие в стихах определенных идей, и ряд сборников его стихов кажутся стройными вехами пройденного им пути. ...» (В. Брюсов)

Содержание

Стихотворения 1883 – 1887	13
Часть I	13
Поэту	13
Осеннее утро	15
«Герой, певец, отрадны ваши слезы...»	17
На распутье	18
«В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу...»	19
К смерти Отрывок	20
«Весь этот жалкий мир отчаянья и муки...»	21
Кораллы	22
«Все грезы юности и все мои желанья...»	23
«Порой, как образ Прометея...»	24
«Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу...»	26
«От книги, лампой озаренной...»	28
Поэту наших дней	29
«С тобой, моя печаль, мы старые друзья...»	30
Развалины	31
На птичьем рынке	33
«Пройдет немного лет, и от моих усилий...»	34

«...Он сидел на гранитной скале...»	35
Больной	37
Весна	38
«Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...»	39
«О жизнь, смотри – во мгле унылой...»	40
«Скажи мне, почему, когда в румянном утре...»	41
«Печальный мертвый сумрак...»	42
«С потухшим факелом мой гений отлетает...»	43
«Когда безмолвные светила над землей...»	44
Солнце	45
«Часовой на посту должен твердо стоять...»	46
«И хочу, но не в силах любить я людей...»	47
«Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу...»	48
«Любить народ?.. Как часто, полный...»	49
«Тишь и мрак – в душе моей...»	50
«„Христос воскрес“, – поют во храме...»	51
«Как летней засухой сожженная земля...»	52
«Июльским вечером следил ли ты порою...»	53
«Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...»	53
«Порой, когда мне в грудь отчаянье	54

теснится...»	
Совість	55
Пророк Иеремия	56
«Сердце печальное, робкое сердце людское...»	57
Часть II	59
Природа	59
«О дайте мне забыть туманы и метели...»	60
Молитва природы	60
«Если розы тихо осыпаются...»	62
Вечер	62
Южная ночь	64
«И вот опять проносятся, играя...»	65
В полях	67
Усни	68
На высоте	69
В Альпах	70
Даль	71
После грозы	72
«В путь, скорее в далекий, неведомый путь...»	73
«Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»	74
«Сегодня в заговор вступили ночь и розы...»	74
«Черные сосны на белый песок...»	75
«По ночам ветерок не коснется чела...»	76

«Ласковый вечер с землею прощался...»	76
«Задумчивый Сентябрь роскошно убирает...»	77
«Кроткий вечер тихо угасает...»	77
«В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах...»	78
«В этот вечер, горячий, немой и томительный...»	79
«Природа говорит мне с царственным презрением...»	79
«Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою...»	81
Родина	81
На Волге	82
Часть III	84
Из Альфреда Мюссэ	84
«Я никогда так не был одинок...»	85
Эрот	86
В сумерки	86
Осень	89
Из Бодлэра	89
«Меня ты, мой друг, пожалела...»	91
«...Потух мой гнев, безумный, детский гнев...»	92
Франческа Римини	93
Признание	95

«Мы идем по цветущей дороге...»	96
«Ты читала ль преданья, как жгли христиан...»	97
«О дитя, живое сердце...»	98
«По дебрям усталый брожу я в тоске...»	98
«Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный...»	100
«Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...»	101
«Ищи во мне не радости мгновенной...»	102
Ариванза	102
Поэмы и легенды	104
Протопоп Аввакум	104
I	104
II	105
III	106
IV	107
V	108
VI	110
VII	111
VIII	112
IX	113
X	115
XI	117
XII	118
Уголино[3]	119

Орваси	124
Страшный суд	133
Песнь баядер	136
Дон Кихот	139
Жертва	143
Аллах и Демон	146
Сакья-Муни	149
Эскизы	152
Легенда из Т. Тассо	152
Детям	155
Из Горация	159
«В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть...»	162
Пир	162
Сон	163
Предчувствие	165
Искушение	167
На Тарпейской скале	169
Юбилей А. Н. Плещеева	171
Альбатрос	172
«Там, в глубине задумчивой долины...»	173
Изображение на щите Ахиллеса	174
Смерть Клитемнестры	174
Смерть Надсона	179
На даче	181
Символы (Песни и поэмы)	182

Бог	182
Смерть	184
Первая песнь	184
I	184
II	184
III	185
IV	186
V	186
VI	187
VII	187
VIII	188
IX	189
X	189
XI	190
XII	190
XIII	191
XIV	192
XV	192
XVI	193
XVII	193
XVIII	194
XIX	195
XX	195
XXI	196
XXII	196
XXIII	197

XXIV	198
XXV	198
XXVI	199
XXVII	199
XXVIII	200
XXIX	201
XXX	201
XXXI	202
XXXII	202
XXXIII	203
XXXIV	204
XXXV	204
XXXVI	205
XXXVII	205
XXXVIII	206
XXXIX	207
XL	207
XLI	208
XLII	208
XLIII	209
XLIV	210
XLV	210
XLVI, XLVII	211
XLVIII	211
XLIX	212
L	213

LI	213
LII	214
LIII	214
Песнь вторая	215
I	215
II	216
III	216
IV	217
V	217
VI	218
VII	218
VIII	219
IX	220
X	220
XI	221
XII	221
XIII	222
XIV	223
XV	223
XVI	224
XVII	224
XVIII	225
XIX	226
XX	226
XXI	227
XXII	227

XXIII	228
XXIV	229
XXV	229
XXVI	230
XXVII	230
XXVIII	231

Конец ознакомительного фрагмента.	232

Дмитрий Сергеевич Мережковский Полное собрание стихотворений

Стихотворения 1883 – 1887

Часть I

*И отдашь голодному душу твою и напитаешь
душу страдальца; тогда свет твой взойдет во
тьме,
и мрак твой будет, как полдень.
Исаия I VIII*

Поэту

Не презирай людей! Безжалостной и гневной
Насмешкой не клейми их горестей и нужд,
Сознав могущество заботы повседневной,
Их страха и надежд не оставайся чужд.

Как друг, не как судья неумолимо строгий,
Войди в толпу людей и оглянись вокруг,
Пойми ты говор их и смутный гул тревоги,
И стон подавленный невыразимых мук.
Сочувствуй горячо их радостям и бедам,
Узнай и полюби простой и темный люд,
Внимай без гордости их будничным беседам,
И, как святыню, чти их незаметный труд.
Сквозь мутную волну житейского потока
Жемчужины на дне ты различишь тогда:
В постыдной оргии продажного порока —
Следы раскаянья и жгучего стыда,
Улыбку матери над тихой колыбелью,
Молитву грешника, и поцелуй любви,
И вдохновенного возвышенною целью
Борца за истину во мраке и крови.
Поймешь ты красоту и смысл существования
Не в упоительной и радостной мечте,
Не в блесках и цветах, но в терниях страдания,
В работе, в бедности, в суровой простоте.
И, жаждущую грудь роскошно утоляя,
Неисчерпаема, как нектар золотой,
Твой подвиг тягостный сторицей награждая,
Из жизни сумрачной поэзия святая
Польется светлую могучею струей.

Декабрь 1883

Осеннее утро

Неприветное утро в тумане седом,
Для кого ты, зачем поднялось?
Без румяных лучей в полумраке сыром
Ты слезами дождя залилось.

О зачем ты с осенних угрюмых небес
Заглянуло с усмешкой немой,
Проникая меж бархатных складок завес
В благовонный роскошный покой —

На помятое платье с увядшим цветком,
На бокал недопитый вина,
Эту спальню красавицы бледным лучом
Пробуждая от неги и сна?

О, рассвет, на тебя ей взглянуть тяжело:
Новый день — только новый позор...
И горит от стыда молодое чело,
И поник отуманенный взор.

Для чего ты, как вор, незаметно проник
К бедняку в его скорбный приют,
Где, усталые очи смежая на миг,
Он забыл недоконченный труд?..

У него ты похитил минутный покой:
День борьбы и забот – впереди,
День постылой работы он видит с тоской
В наболевшей, разбитой груди.

И зачем ты к больному на ложе проник?
Перед мертвенным блеском твоим
Отвратил он свой бледный, измученный лик:
Новый день, день страданий пред ним.

И зачем в эту келью, печальный рассвет,
В этот мир упоительных грез,
Где так страстно мечтал одинокий поэт,
Ты заботу и горе принес?

Его лампа померкла в холодных лучах,
И перо он роняет с тоской,
И трепещет слеза в его скорбных очах, —
Он бессилен и нем пред тобой.

О зачем тебе было над миром вставать
Перед этим мучительным днем,
О зачем ты нам не дал навек задремать
И забыться во мраке ночном?

Ноябрь 1883

«Герой, певец, отрадны ваши слезы...»

Герой, певец, отрадны ваши слезы,
И ваша скорбь завидна, мудрецы:
Нетленный лавр, невянущие розы
Вам обовьют терновые венцы.
Светло горит звезда высокой цели;
Вам есть за что бороться и страдать,
И обо всем, что втайне вы терпели,
Должны века векам пересказать:
То выразят пленительные звуки
Певучих струн, иль славные дела.
Все назовут святыми ваши муки,
И загремит им вечная хвала.

Но там, в толпе, страдальцы есть иные,
Там скорби есть, терзающие грудь,
Безмолвные, как плиты гробовые,
Что не дают подняться и вздохнуть.
И много их, героев неизвестных,
Непризнанных, но твердых до конца,
Что не щадят в борьбе усилий честных
И падают, не требуя венца.
Их не смутит ни злоба, ни проклятья,
Они идут, как мученики шли
На смерть и казнь... Припомним же их, братья,
И руку к ним для крепкого пожатья,

Хотя на миг, протянем издали!

1883

На распустье

Жить ли мне, забыв мои страдания,
Горечь слез, сомнений и забот,
Как цветок, без проблеска сознания,
Ни о чем не думая, живет,

Ничего не видит и не слышит,
Только жадно впитывает свет,
Только негой молодости дышит,
Теплотой ласкающей согрет.

Но кипят недремлющие думы,
Но в груди – сомнение и тоска;
Стыдно сердцу жребий свой угрюмый
Променять на счастье цветка...

И устал я вечно сомневаться!
Я разгадки требую с тоской,
Чтоб чему бы ни было отдаться,
Но отдаться страстно, всей душой.

Эти думы – не мечты досуга,
Не создание юношеских грез,

Это – боль тяжелого недуга,
Роковой, мучительный вопрос.

Мне не надо лживых примирений,
Я от грозной правды не бегу;
Пусть погибну жертвою сомнений, —
Пред собой ни в чем я не солгу!

Испытав весь ужас отрицанья,
До конца свободы не отдам,
И последний крик негодованья
Я как вызов брошу небесам.

Декабрь 1883

«В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу...»

В борьбе на жизнь и смерть не сдамся я врагу!
Тебе, наш рок-палач, ни одного стенанья
И ни одной слезы простить я не могу
За все величье мирозданья.

Нет! капля первая всей крови пролитой
Навек лицо земли позором осквернила —
И каждый василек на ниве золотой
И в небе каждый луч светила!

К чему мне пурпур роз и трели соловья,
И тишина ночей с их девственной лаской?..
Ужель ты прячешься, природа, от меня
Под обольстительною маской?

Ужель бесчувственна, мертва и холодна,
Ты лентой радуги и бархатной листвою,
Ты бриллиантами созвездий убрана
И нарумянена зарею,

Чтоб обмануть меня, нарядом ослепить
И скрыть чудовищность неправды вопиющей,
Чтоб убаюкать мысль и сердце покорить
Красой улыбки всемогущей,

Чтоб стал я вновь рабом, смирясь и позабыв
Все язвы нищеты, все ужасы разврата
И негодующий и мстительный порыв
За брата, гибнущего брата!..

Декабрь 1883

К смерти Отрывок

...Приди, желанная, приди,
И осени меня крылами,
И с нежной лаской припади,

Как лед, холодными устами
К моей пылающей груди!..

1883

«Весь этот жалкий мир отчаянья и муки...»

Весь этот жалкий мир отчаянья и муки,
Земля и свод небес, моря и выси гор,
Все впечатления, все образы и звуки,
Весь этот пасмурный и тесный кругозор
Мне кажутся порой лишь грезой ничтожной,
Лишь дымкой легкою над бездной пустоты,
Толпою призраков, мелькающих тревожно,
И бредом тягостным болезненной мечты.
И сердце робкое сжимается тоскливо,
И жалко мне себя, и жалко мне людей,
Во власть покинутых судьбе несправедливой,
Во тьме блуждающих толпою сиротливой,
Природой-мачехой обиженных детей...
Негодование бессильно замирает,
И чувства нового рождается порыв,
И трепетную грудь высоко подымает
Какой-то нежности ласкающий прилив,
Какой-то жалости внезапное волнение,
Участие ко всем, кто терпит, как и я,

Тревогу тех же дум, такие же сомненья,
Кто так же изнемог под ношей бытия.
За горький их удел я полон к ним любовью,
Я все готов простить – порок, вражду и зло,
Готов пойти на казнь, чтоб сердце жаркой кровью,
Терзаемо за них, по капле истекло!..

1883

Кораллы

Широко раскинулся ветвями
Чуждый неба, звуков и лучей,
Целый лес кораллов под волнами,
В глубине тропических морей.
Миллионам тружеников вечных —
Колыбель, могила и приют,
Дивный плод усилий бесконечных,
Этот мир полипы создают.
Каждый род, – ступень для жизни новой, —
Будет смертью в камень превращен,
Чтобы лечь незыблемой основой
Поколениям будущих времен;
И встает из бездны океана,
И растет коралловый узор;
Презирая натиск урагана,
Он стремится к небу на простор,
Он вознесся кружевом пурпурным,

Исполинской чашею ветвей
В полусвете мягком и лазурном
Преломленных, трепетных лучей.
Час придет, – и гордо над волнами,
Раздробив их влажный изумруд,
Новый остров, созданный веками,
С торжеством кораллы вознесут...

О, пускай в глухой и темной доле,
Как полип, ничтожен я и слаб, —
Я могуч святою жаждой воли,
Утомленный труженик и раб!
Там, за далью, вижу я над нами
Новый рай, лучами весь облит,
Новый остров, созданный веками,
Высоко над бездною царит.

1884

«Все грезы юности и все мои желанья...»

Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.
Я прав, когда живу и требую от жизни
Не только подвигов в борьбе за идеал,
Не только мук и жертв страдальце-отчизне,

Но и всего, о чем так страстно я мечтал:
Хочу я творчеством и знанием упиться,
Хочу весенних дней, лазури и цветов,
Хочу у милых ног я плакать и молиться,
Хочу безумного веселия пиров;
Хочу из нежных уст дыханья аромата
И смеха, и вина, и песен молодых,
И бледных ландышей, и пурпура заката, —
Всей дивной музыки аккордов мировых;
Хочу, — и не стыжусь той жажды упоений:
Она природою заброшена мне в грудь,
И красотой иных божественных стремлений
Я алчущей души не в силах обмануть.
«Живи для радости!» — какой-то тайный голос
Повсюду день и ночь мне ласково твердит;
Волна, и темный лес, и золотистый колос, —
«Живи для радости!» — мне тихо говорит.
Все грезы юности и все мои желанья
Пред Богом и людьми я смело признаю;
И мне ни от кого не нужно оправданья,
И я ни перед кем в груди их не таю.

1884

«Порой, как образ Прометея...»

Порой, как образ Прометея,
Под вечным бременем оков

Весь род людей во мгле веков
Я созерцал, благоговей.
И я обнять его хотел
Моими слабыми руками,
И сердцем любящим скорбел,
И плакал чистыми слезами.
Я за него бы в этот миг
Пошел на смерть без содроганья,
Я жаждал пытки и страданья,
Я был герой, я был велик.
Но жизнь принять их не хотела,
Всех этих мук, и жертв, и слез:
Ей нужно – вместо пылких грез —
Простого, будничного дела;
Ей нужен – не полет орла,
Не смело поднятые крылья,
Но терпеливые усилия
Порабощенного вола.
А там, – за рядом дней убитых
Без вдохновенья, без страстей —
Смерть от укулов ядовитых,
Смерть – хуже тысячи смертей.
Могу я страстно ждать свободы,
Могу любить я все народы,
Но людям нужно от меня,
Чтобы в толпе их беспредельной
Под небом пасмурного дня
Любил я каждого отдельно, —
И кто бы ни был предо мной —

Ничтожный шут или калека,
Чтоб я нашел в нем человека...
Не мне бессильною душой,
Не мне принять с венцом терновым
Такое бремя тяжких уз:
Пред этим подвигом суровым
Я не герой – я жалкий трус...

1884

«Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу...»

*Voluntas est superior intellectu*¹
Дунс Скотт

Блажен, кто цель избрал, кто вышел на дорогу
И мужеством бойца и верой наделен,
Кто бросился стремглав в житейскую тревогу,
Кто весь насущною заботой поглощен.
Волнуем злобой дня, в работе торопливой
Он поневоле чужд сомнений роковых,
И некогда ему отыскивать пытливо
Заветного ключа вопросов мировых.
Со знаменем в руках вступая в бой кровавый,
Он может ранами гордиться пред толпой,

¹ Воля стоит над мышлением (*лат.*)

Он может совершить свой подвиг величавый
И на виду у всех погибнуть, как герой,
Погибнуть, как орел, что гордо умирает,
Пернатою стрелой пронзенный в облаках,
И гаснувший зрачок на солнце устремляет,
Встречая свой конец в родимых небесах.
Но горек твой удел, мечтатель бесполезный:
Не нужен никому, от жизни ты далек.
И, трепетно склонясь над сумрачною бездной
Неразрешимых тайн, ты вечно одинок...
Струной, надорванной мучительным разладом,
Твой каждый чуткий нерв болезненно дрожит,
И каждый твой порыв неотразимым ядом
Сомнений роковых в зародыше убит.
В бездействии прожив, погибнешь ты бесцельно...
Не тронет никого твой заунывный плач,
Не в силах ничему отдаться нераздельно, —
Ты сам своей душе — безжалостный палач.
Порой ты рвешься вдаль, надеждой увлеченный,
Но воля скована тяжелым, мертвым сном:
Ты недвижим, — как труп, в бессилье роковом,
Ты жив, — как заживо в могилу погребенный.
Хотя бы вечностью влачился каждый миг,
Из гроба вырваться на волю не пытайся;
Не вылетит из уст ни жалоба, ни крик, —
Молчи и умирай, терпи и задыхайся.

«От книги, лампой озаренной...»

От книги, лампой озаренной,
К открытому окну я обратил мой взор,
Блестящей белизной бумаги утомленный,
На влажно голубой полуночный простор.
И слезы в тот же миг наполнили мне очи,
И в них преломлены, все ярче и длинней
Сплетаются лучи таинственных огней,
Что сыплет надо мной полет осенней ночи.
Склонился я в окно, и в пыльную траву
Бесплодно падают неведомые слезы;
И плачу я над тем, что завтра эти грезы
Я сам игрою нерв, быть может, назову,
Над тем, что этот миг всю жизнь не будет длиться,
Над тем, что эта ночь окончиться должна,
Я плачу потому, что некому молиться,
Когда молитвою душа моя полна...
А ночь по небесам медлительно проходит,
И веет свежестью, и мнится, что порой
По жаркому лицу холодною рукой
Мне кто-то ласково проводит.

Поэту наших дней

Молчи, поэт, молчи: толпе не до тебя.
До скорбных дум твоих кому какое дело?
Твердить былой напев ты можешь про себя, —
Его нам слушать надоело...

Не каждый ли твой стих сокровища души
За славу мнимую безумно расточает, —
Так за глоток вина последние гроши
Порою пьяница бросает.

Ты опоздал, поэт: нет в мире уголка,
В груди такого нет блаженства и печали,
Чтоб тысячи певцов об них во все века,
Во всех краях не повторяли.

Ты опоздал, поэт: твой мир опустошен, —
Ни колоса – в полях, на дереве – ни ветки;
От сказочных пиров счастливейших времен
Тебе остались лишь объедки...

Попробуй слить всю мощь страданий и любви
В один безумный вопль; в негодование гордом
На лире и в душе все струны оборви
Одним рыдающим аккордом, —

Ничто не шевельнет потухшие сердца,
В священном ужасе толпа не содрогнется,
И на последний крик последнего певца
Никто, никто не отзовется!

1884

«С тобой, моя печаль, мы старые друзья...»

С тобой, моя печаль, мы старые друзья:
Бывало, дверь на ключ ревниво запирая,
Приходишь ты ко мне, задумчиво немая,
Во взорах темное предчувствие тая;
Холодную, как лед, но ласковую руку
На сердце тихо мне кладешь
И что-то милое, забытое поешь,
Что навевает грусть, что утоляет муку.
И голубым огнем горят твои глаза,
И в них дрожит, и с них упасть не может,
И сердце мне таинственно тревожит
Большая, кроткая слеза...

1884

Развалины

*В тот день укрепленные города будут,
как развалины в лесах... и будет пусто.
Кн. Исайи XVII*

То был зловещий сон: по дебрям и лесам,
Казалось, я блуждал, не находя дороги;
Ползли над головой, нахмуренны и строги,
Гряды свинцовых туч по бледным небесам;
И ветер завывал, гуляя на просторе,
И ворон, каркая, кружился надо мной;
И нелюдимый бор, как сумрачное море,
Таинственно гудел в пустыне вековой...
И вот, когда я шел кустарником дремучим,
Во мраке увидал я груды кирпичей;
Покрыты были мхом расщелины камней,
И плиты поросли репейником колючим.
По шатким ступеням спустился я к реке,
Где арки от мостов и темные громады
Низверженных бойниц чернели вдалеке.
Клубящийся туман окутал анфилады
Разрушенных дворцов и волны, и леса;
И палевой зари желтела полоса
Меж дремлющих столбов гранитной колоннады;
И расстилал залив безжизненную даль,
Едва мерцавшую, как матовая сталь.

То правда или нет, но мнилось, что когда-то
Бродил я много раз по этим берегам:
И сердце дрогнуло, предчувствием объято...
О нет, не может быть, не верю я очам!
В столице молодой все пышно и богато,
Там – жизнь и суета, а здесь лишь дикий бор,
Венчая мертвый прах покинутых развалин,
Уходит без конца в неведомый простор;
И шум его ветвей, торжественно печален,
Доносится ко мне, как грозный приговор:
«Тебя я победил, отверженное племя!
Довольно вам грозить железом и огнем,
Бессильные рабы! Мое настало время,
И снова мой намет раскинул я кругом.
Мои кудрявые зеленые дружины
Я приступом повел с полунощных пустынь
На величавый ряд незыблемых твердынь,
И вот в пыли лежат их жалкие руины!...»
Но шепоту деревьев я криком отвечал:
«О нет, неистребим наш светлый идеал!
Надеяться и ждать, любить и ненавидеть,
И кровью истекать в мучительной борьбе,
Чтоб здание веков в развалинах увидеть,
О нет, могучий лес, не верю я тебе!
И смело проложу я путь к желанной цели!...»
А сосны мрачные по-прежнему шумели
И мне насмешливо кивали головой,
И я бежать хотел с безумною тоской,
Но лес меня хватал колючими ветвями,

Как будто длинными костлявыми руками;
И рвался я вперед и, ужасом объят,
Проснулся наконец... С каким порывом жадным
Я бросился к окну, как был я детски рад,
Как стало для меня все милым и отрадным:
И утра бледного сырая полутьма,
И вечный гул толпы на улице широкой,
Свистков протяжный вой на фабрике далекой,
И тяжкий гром колес, и мокрые дома.
Пусть небо надо мной безжизненно и мутно...
Я тех, кого вчера презрением клеймил,
Из глубины души теперь благословил!
О, как поближе к ним казалось мне уютно,
Как просто и тепло я вновь их полюбил!

Август 1884

На птичьем рынке

Из Анри Казалиса

Тоскуя в клетке, опустил
Орел беспомощные крылья,
Зрачки лениво он смежил
В тупом отчаянье бессилья...

А рядом – мирный уголок,
Где, о свободе не горя,

С голубкой счастлив голубок,
Целуясь, нежась и воркуя...

И полон дикой красоты,
Порой кидает взор надменный
Орел на ласки той четы,
Ничтожной, пошлой и блаженной.

1884

«Пройдет немного лет, и от моих усилий...»

Пройдет немного лет, и от моих усилий,
От жизни, от всего, чем я когда-то был,
Останется лишь горсть немой, холодной пыли,
Останется лишь холм среди чужих могил.
Мне кто-то жить велел, но по какому праву?..
И кто-то, не спросясь, зажег в груди моей
Огонь бесцельных мук и влил в нее отраву
Болезненной тоски, порока и страстей.
Откройся, где же ты, палач неумолимый,

.....

Нет, сердце, замолчи... ни звука, ни движенья...
Никто нам из небес не может отвечать,
И отнято у нас святое право мщенья:
Нам даже некого за муки – проклинать!

«...Он сидел на гранитной скале...»

...Он сидел на гранитной скале;
За плечами поникли два темных крыла.
А внизу между тем на далекой земле
Расстилась вечерняя мгла,
И как робкие звезды в прозрачной тени,
В городах в этот час зажигались огни.
И сидел он и думал: «Как счастливы те,
Кто для сна в этот миг могут очи сомкнуть!
Только мне одному никогда не уснуть:
Повелитель миров на немой высоте
С безграничною властью моей, —
Я завидую участи жалких людей,
Я завидую тем, кто ничтожен и слаб,
Кто жестокому небу послушен, как раб,
Кто над грудями золота жадно поник,
Кто безумно ликует над жертвой в крови,
Кто в объятьях блудницы забылся на миг,
Кто вином опьянен, кто отдался любви, —
Только б чем-нибудь скорбные думы унять,
Только б мертвую скуку в груди заглушив,
Охватил бы всю душу могучий порыв,
Только б боль от сознания могла перестать:
Эта боль хуже всех человеческих мук!

Исчезают миры, пролетают века,
Но сознание мое – заколдованный круг,
Но темница моя – роковая тоска!
Я могу потушить миллионы планет, —
Но лишь сердца в груди я убить не могу:
От него в целом мире спасения нет,
От него я напрасно бегу.
Вечно все до последнего атома знать —
Формы, звуки, движенья, цвета —
Знать, какой вопиющий обман красота
И что кроме обмана нам нечего ждать,
Что за ним – пустота!..
И нельзя умереть, позабыться, уйти,
Ни забвенья, ни мира нигде не найти!
Смерти, смерти!»...
И в грозный, далекий предел,
Где лишь хаос царит, где кончается мир,
Сквозь мерцающий синий эфир
Он, как черная туча, стремглав полетел.
Но напрасно руками он очи закрыл
И роптал, и метался, – забвения нет:
Ураган метеоров и звезд, и планет,
И над горами груды светил
Выступают во мгле, издеваясь над ним;
И страдающий Дух, жаждой смерти томим,
Будет вечно стремиться вперед,
Но покоя нигде, никогда не найдет.

Больной

День ото дня все чаще и грустнее
Я к зеркалу со страхом подхожу,
И как лицо мое становится бледнее,
Как меркнет жизнь в очах, внимательно слежу.
Взгляну ли я в окно, — на даль полей и неба
Ложится тусклое, огромное пятно;
И прежний сладкий вкус вина, плодов и хлеба
Я позабыл уже давно...

При звуках детского пленительного смеха
Мне больно; и порой в глубокой тишине
Людские голоса каким-то дальним эхом
Из ближней комнаты доносятся ко мне.
В словах друзей моих ловлю я сожаленье,
Я вижу, как со мной им трудно говорить,
Как в их неискреннем холодном утешенье
Проглядывает мысль: «Тебе недолго жить!»
А между тем я умереть не в силах:
Пока есть капля крови в жилах,
Я слишком жить хочу, я не могу не жить!
Пусть же мне грозят борьба, томленье, муки
И после приступов болезни роковой —
Дни, месяцы, года тяжелой мертвой скуки, —
Я все готов терпеть с покорностью немой,
Но только б у меня навек не отнимали
Янтарных облаков и бесконечной дали;

Но только б не совсем из мира я исчез,
И только б иногда мне посмотреть давали
На маленький клочок лазуревых небес!

1885

Весна

Лучи, что из окна ко мне на стол упали,
Весенний гам и крик задорных воробьев,
На темной лестнице далекий звук рояли
Или лазурь небес, что ярко засияли
Там, меж кирпичных стен теснящихся домов, —
Вот все, что нужно мне для смутного волненья,
Когда бываешь рад, не ведая чему,
И хочется рыдать, и жаждешь вдохновенья,
Когда забыть готов суровую зиму.
Я счастлив только тем, что позабыл мученья,
Что все-таки мне мил и дорог Божий свет,
Что скоро будет май и зашумят дубравы,
Я счастлив, как дитя, тем, что мне двадцать лет,
Я счастлив без любви, без гордых дел и славы.
Ко мне, мечты, ко мне! В блистательный туман
Окутайте мне взор и дерзкий ум свяжите,
О повторите вновь божественный обман,
И чтоб я счастлив был, про счастье мне солгите!

1885

«Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье...»

Когда вступал я в жизнь, мне рисовалось счастье
Как светлый чудный сад, где ветерок качал
Гирлянды белых роз, не знающих ненастья,
И легкие струи фонтанов колебал,
Где кружевом взвились причудливые зданья,
И башен, и зубцов так нежен был узор,
Что в розовом огне вечернего сиянья
Просвечивал насквозь их матовый фарфор;
Толпу нарядных жен баюкали гондолы,
Роняя за собой над зеркалом прудов
То складки бархата и звуки баркаролы,
То вздохи мандолин и лепестки цветов.
На гладких лестницах из черного агата
Павлины нежились, и в чудные цвета
Окрашивался блеск их пышного хвоста;
И всюду – музыка и волны аромата,
И надо всем любовь, любовь и красота...

Но жизнь была не рай, а труд во мгле глубокой,
Унылый, вечный труд сегодня, как вчера,
Бессонницы ночей, немые вечера
В рабочей комнате при лампе одинокой.
Зато бывают дни, когда я сознаю,

Что в муках и борьбе есть что-то мне родное,
Такое близкое и сердцу дорогое,
Что я почти готов любить печаль мою,
Любить на дне души болезненные раны
И серый полумрак, и холод, и туманы.
За прежний мир надежд, лазури, нег и роз,
Быть может, я не дам моих страданий милых
И бедной комнаты, и сумерек унылых,
И тайных жгучих слез...

1885

«О жизнь, смотри – во мгле унылой...»

О жизнь, смотри – во мгле унылой
Не отступил я под грозой:
Еще померимся мы силой,
Еще поборемся с тобой!

Нет, с робким плачем и смиреньем
Не мне у ног твоих лежать:
Я буду смехом и презреньем
Твои удары отражать.

Чем глубже мрак, печаль и беды,
И раны сердца моего, —
Тем будет громче гимн победы,
Тем будет выше торжество!

**«Скажи мне, почему,
когда в румянном утре...»**

Скажи мне, почему, когда в румянном утре
Дельфины прыгают в серебряных волнах
И снег Кавказских гор, как жемчуг в перламутре,
Таинственно мерцает в облаках, —
Скажи мне, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотой
Всего, что может дать земля, куда стремится
Она, как раненая птица,
С бессильной, жгучею тоской?..
Скажи мне, почему, когда в блестящей зале
Среди молитвенной, блаженной тишины,
Как духи светлые, над нами пролетали
Аккорды полные печали,
Аккорды плачущей струны,
И тихо, тихо умирали, —
О, почему в тот миг слились мы в ожиданье
Того, что никогда нигде не настает,
И страстно замерли, и думали: вот-вот —
Насытится безумное желанье
И что-то дивное великое придет,
Что сразу выкупит все прошлые страданья.

Но смолкла музыка, и в тишине глубокой
Нам сердце сжала вновь знакомая тоска,
Как чья-то жесткая, холодная рука,
И каждый про себя томился одиноко.
Скажи мне, почему и там, у милых ног,
Я не нашел того, чего искал так страстно,
И втайне чувствовал, что это все – напрасно,
Хотел отдаться и не мог;
И как-то холодно я радовался счастьем;
Я понял, что нельзя с душою душу слить,
Что никаким огнем, что никакою страстью —
Моей тоски не утолить...
Скажи мне, почему душа моя томится
И, возмущенная неполнотой
Земной любви, куда, куда она стремится
С бессильной, жгучею тоской?

1886

«Печальный мертвый сумрак...»

Печальный мертвый сумрак
Наполнил комнату: теперь она похожа
На мрачную, холодную могилу...
Я заглянул в окно: по-прежнему в тумане
Возносятся дома, как призраки немые;
Внизу по улице прохожие бегут,
И клячи мокрые плетутся в желтом снеге.

Вот лампа под зеленым абажуром
На пятом этаже у моего соседа,
Как и всегда, в обычный час зажглась;
Я ждал ее, как, может быть, и он
Порою ждет моей лампы одинокой.
Протяжный благовест откуда-то уныло
Издалека доносится ко мне...
Перо лениво падает из рук...
В душе – молчанье, сумрак...

1886

«С потухшим факелом мой гений отлетает...»

С потухшим факелом мой гений отлетает,
Погас на маяке дрожащий огонек,
И сердце без борьбы, без жалоб умирает,
Как холодом ночным обвеянный цветок.
Меня безумная надежда утомила:
Я ждал, так долго ждал, что если бы теперь
Исполнилась мечта, взошло мое светило,
Как филина – заря, меня бы ослепила
В сияющий эдем отворенная дверь.
Весь пыл души моей истратил я на грезы,
Когда настанет жизнь, мне нечем будет жить.
Я пролил над мечтой восторженные слезы,

Когда придет любовь, не хватит сил любить!

1886

«Когда безмолвные светила над землей...»

Когда безмолвные светила над землей
Медлительно плывут в таинственной лазури,
То умолкает скорбь в душе моей больной,
Как утихающий раскат далекой бури...

Плывут безмолвные светила над землей,

И небо – саркофаг с потухшими мирами,
Сиянье тихих звезд и голубая даль —
Печалью дышит все... Могучими волнами
И у меня в груди встает твоя печаль,

Огромный саркофаг с потухшими мирами!

Одним мучительным вопросом: для чего?
Вселенная полна, как роковым сознаньем
Глубокой пустоты, бесцельности всего,
И кажется, мы с ней больны одним страданьем.

Вселенная полна вопросом: для чего?

И тонут каплею в безбрежном океане
Земные горести с их мелкой суетой
Там где-то далеко, в лазуревом тумане
И в необъятности печали мировой, —

Ничтожной каплею – в безбрежном океане.

1886

Солнце *мексиканское предание*

В дни былые солнце греть устало:
Без лучей, без жизни и тепла
В небесах, как труп, оно лежало;
И покрыла мир ночная мгла.

В темноте рыбак не видел сети,
Зверолов капканы потерял,
Люди в страхе плакали, как дети,
И повсюду голод наступал.

Но герой Тонати златокудрый
Мир спасти от гибели хотел
И на край земли – спокойный, мудрый —
Он пошел в неведомый предел.

Наклонясь к обрывистому краю,
Он воскликнул, бездну увидав:
«Я за вас, о люди, умираю!..»
И вперед он кинулся стремглав.

Но порыв любви непобедимой
Спас его, и, хаосом объят,
Как алмаз, прошел он невредимо
Чрез огонь и смерть, и самый ад.

И для мира, новое светило,
Он блеснул, как молния в ночи,
Он дышал божественною силой,
Рассыпал победные лучи.

Солнце, солнце!.. весь преображенный,
То герой на небо восходил:
Темный мир, страданием утомленный,
Он любовью кротко озарил.

1886

«Часовой на посту должен твердо стоять...»

Часовой на посту должен твердо стоять:

У тебя молодые здоровые руки,
Ты не вправе на мир и на Бога роптать, —
Ты рожден для труда, не для призрачной муки.
Надоели нам вечные стоны твои;
Постыдись! Неужель ты умеешь, как дева,
Лишь вздыхать при луне о погибшей любви,
Неужель в тебе нет ни отваги, ни гнева!
О, поверь, — если в битву с могучим врагом,
Презирая мученья, ты кинешься смело,
Полон жгучей любовью, враждой и стыдом,
Если жизнь ты отдашь за великое дело, —
Будут детской игрою казаться тебе
Твои прежние песни, мечты и страдания,
Ты смертельные раны забудешь в борьбе,
Вместо жалоб и слез и проклятий судьбе —
Ты в крови будешь петь светлый гимн упования!

1886

«И хочу, но не в силах любить я людей...»

И хочу, но не в силах любить я людей:
Я чужой среди них; сердцу ближе друзей —
Звезды, небо, холодная, синяя даль
И лесов, и пустыни немая печаль...
Не наскучит мне шуму деревьев внимать,

В сумрак ночи могу я смотреть до утра
И о чем-то так сладко, безумно рыдать,
Словно ветер мне брат, и волна мне сестра,
И сырая земля мне родимая мать...
А меж тем не с волной и не с ветром мне жить,
И мне страшно всю жизнь не любить никого.
Неужели навек мое сердце мертво?..
Дай мне силы, Господь, моих братьев любить!

1887

«Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу...»

Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу:
Я слишком слаб; в душе — ни веры, ни огня...
Святая ненависть погибнуть за свободу
Не увлечет меня:

Пушай шумит ручей и блещет на просторе, —
Струи бессильные смирятся и впадут
Не в бесконечное, сверкающее море,
А в тихий, сонный пруд.

1887

«Любить народ?.. Как часто, полный...»

Отрывок

Любить народ?.. Как часто, полный
Неутолимою тоской,
В его неведомые волны
Стремился жадно я душой,
И в нем мечтал я, как в нирване,
От жгучей мысли отдохнуть,
И в этом мощном океане
Бессильной каплей потонуть.
Но тщетно! Бездною глубокой
Века позорные легли
И оторвали нас жестоко
От лона матери-земли...
И что я дам теперь народу?
Он полон верою святой;
А я... ни в Бога, ни в свободу
Не верю скорбною душой.
С неумолимым отрицаньем
Я не дерзну к нему идти —
Его учить моим страданиям
И к той же гибели вести.
Зачем покой его разрушу,
И чем я веру заменяю?
Ужель младенческую душу

Сомненьем жгучим отравлю,
Чтоб он в отчаянье бесплодном
Постиг ничтожность бытия,
И в мертвой тьме умом холодным
Блуждая, мучился, как я,
Чтоб без надежды в глубь эфира
С усмешкой горькой он взирал
И перед вечной тайной мира
Свое бессилье проклинал!..
.....

1887

«Тишь и мрак – в душе моей...»

Тишь и мрак – в душе моей:
Ни желаний, ни страстей.
Бледных дней немая цепь
Без конца уходит вдаль,
И мертва моя печаль,
Словно выжженная степь.
Жертвы, жертвы... с каждым днем,
Как на поле боевом,
Гибнут тысячи бойцов.
Мне наскучил этот мир
Пыток, тюрем и оков,
Мне противен буйный пир
Торжествующих рабов.

Боже, скоро ли конец!..
В сердце – холод, грудь – пуста.
Муза сбросила венец,
И не манит красота:
Ни желаний, ни страстей, —
Тишь и мрак – в душе моей...

1887

«„Христос воскрес“, – поют во храме...»

«Христос воскрес», – поют во храме;
Но грустно мне... душа молчит:
Мир полон кровью и слезами,
И этот гимн пред алтарями
Так оскорбительно звучит.
Когда б Он был меж нас и видел,
Чего достиг наш славный век,
Как брата брат возненавидел,
Как опозорен человек,
И если б здесь, в блестящем храме
«Христос воскрес» Он услышал,
Какими б горькими слезами
Перед толпой Он зарыдал!
Пусть на земле не будет, братья,
Ни властелинов, ни рабов,
Умолкнут стоны и проклятья,
И стук мечей, и звон оков, —

О лишь тогда, как гимн свободы,
Пусть загремит: «Христос воскрес!»
И нам ответят все народы:
«Христос воистину воскрес!»

1887

«Как летней засухой сожженная земля...»

Как летней засухой сожженная земля
Тоскует и горит, и жаждою томится,
Как ждут ночной росы усталые поля, —
Мой дух к неведомой поэзии стремится.

Плывет, колышется туманов белый свиток,
И чем-то мертвенным он застилает даль...
Головки васильков и бледных маргариток
Склонила до земли безмолвная печаль.

Приди ко мне, о ночь, и мысли потуши!
Мне надо сумрака, мне надо тихой ласки:
Противен яркий свет очам больной души.
Люблю я темные, таинственные сказки...

Приди, приди, о ночь, и солнце потуши!

1887

«Июльским вечером следил ли ты порою...»

Июльским вечером следил ли ты порою,
Как мошек золотых веселые стада
Блестят и кружатся над дремлющей рекою
В тот тихий час, когда янтарною зарею
Облито все – тростник и небо, и вода?..
Так перед тем, чтоб навсегда
Нам слиться с вечностью немою,
Не оставляя за собою
Ни памяти, ни звука, ни следа, —
Мы все полны на миг любовью и весною;
Потом, – не ведая, зачем, куда —
Уносимся мгновенною толпою,
Как мошек золотых веселые стада
В июльских сумерках над дремлющей рекою...

1887

«Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть...»

Покоя, забвенья!.. Уснуть, позабыть
Тоску и желанья,

Уснуть – и не видеть, не думать, не жить,
Уйти от сознания!

Но тихо ползут бесконечной чредой
Пустые мгновенья,
И маятник мерно стучит надо мной...
Ни сна, ни забвенья!..

1887

«Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится...»

Порой, когда мне в грудь отчаянье теснится
И я смотрю на мир с проклятием в устах, —
В душе безумное веселье загорится,
Как отблеск молнии в свинцовых облаках:

Так звонкий ключ, из недр подземного гранита
Внезапно вырвавшись, от счастья дрожит, —
И сразу в этот миг неволя позабыта,
И в буйной радости он блещет и гремит.

1887

Совесть

Поэт, у ног твоих волнуется, как море,
Голодная толпа и ропщет, и грозит;
Стучится робко в дверь беспомощное горе,
И призрак нищеты в лицо тебе глядит, —
А ты... изнеженный, больной и пресыщенный,
Ты заперся на ключ от воплей и скорбей;
Не начиная жить, ты, жизнью уstraшенный,
Бежал, закрыв глаза от мира и людей.
Над книгой ты скорбел, ты плакал над собою,
И, презирая труд, о подвигах мечтал,
И, в праздности гордясь печалью мировой,
Стенаньям гибнущих бесчувственно внимал.
Играл ты, как дитя, в искусство и науку.
В уютной комнате ты для голодных пел
Свою развратную бессмысленную скуку
И хлеб чужой, как вор, всю жизнь беспечно ел.
Об истине кричал, но в истину не верил,
И, чувства мнимого любуясь красотой,
Как в зеркале актер лобуетя собой, —
В слезах раскаянья ты лгал и лицемерил!

Что мог бы ты сказать измученному миру?
Кому свою печаль ничтожную поешь?..
Твой бесполезный стих – кощунственная ложь, —
Разбей ненужную, бессмысленную лиру!..

С людьми ты не хотел бороться и страдать,
Ни разу на мольбу ты не дал им ответа,
И смеешь ты себя, безумец, называть
Священным именем поэта!..

1887

Пророк Иеремия

О, дайте мне родник, родник воды живой!
Я плакал бы весь день, всю ночь в тоске немой
Слезами жгучими о гибнущем народе.
О, дайте мне приют, приют в степи глухой!
Покинул бы навек я край земли родной,
Ушел бы от людей скитаться на свободе.

Зачем меня, Господь, на подвиг Ты увлек?
Открою лишь уста, в устах моих – упрек...
Но ненавистен Бог – служителям кумира!
Устал я проклинять насилие и порок;
И что им истина, и что для них пророк!
От сна не пробудить царей и сильных мира...

И я хотел забыть, забыть в чужих краях
Народ мой, гибнущий в позоре и цепях.
Но я не мог уйти – вернулся я в неволю.
Огонь – в моей груди, огонь – в моих костях...
И как мне удержать проклятье на устах?

Оно сожжет меня, но вырвется на волю!..

1887

«Сердце печальное, робкое сердце людское...»

Сердце печальное, робкое сердце людское,
Надо так мало тебе, чтоб довериться счастью,
Жаждешь забыть ты измены и горе бывшее, —
Только б скорей полюбить и отдаться участью.

Ты, как цветок отогретый, раскрыться готово,
Инеем полный, он с первым лучом возродится,
Иней прольется слезами, и будешь ты снова,
Солнце приветствуя, сладкой надеждою биться.

Ты, как звезда, что дрожит в золотом небосводе,
Гаснешь, в сиянье бессмертной зари исчезая,
С вечною жизнью сливаясь в бесстрастной природе,
Ты на мгновенье трепещешь, любя и страдая.

Холодно в мире тебе – в этой мертвой пустыне,
Но побеждаешь ты, кроткое, смерть и мученья,
И не изведаль никто еще, сердце, доньше,
Сколько в тебе бесконечной любви и прощенья!

Часть II

*К чему стремишься,
Природа, того и я хочу.
Марк Аврелий*

Природа

Ни злом, ни враждою кровавой
Доныне затмить не могли
Мы неба чертог величавый
И прелесть цветущей земли.

Нас прежнею лаской встречают
Долины, цветы и ручьи,
И звезды все так же сияют,
О том же поют соловьи.

Не ведает нашей кручины
Могучий, таинственный лес,
И нет ни единой морщины
На ясной лазури небес.

«О дайте мне забыть туманы и метели...»

О дайте мне забыть туманы и метели
В затишье и тепле на взморье голубом
И в глубине долин, как в мирной колыбели,
С улыбкой задремать невозмутимым сном,
Чтоб там, на севере, под грохот снежной выюги
Я мог припоминать во мгле моих ночей
Мой тихий уголок, мой сад на дальнем юге
В сиянье золотом полуденных лучей,
И дремлющий аул, где – тихо и безлюдно,
Крутых, лесистых гор утесистый обрыв,
И в зелени холмов, как в рамке изумрудной,
Роскошной бирюзой сверкающий залив.

1883

Молитва природы

На бледном золоте померкшего заката,
Как древней надписи причудливый узор,
Рисуется черта темно-лиловых гор.
Таинственная даль глубоким сном объята;
И все, что в небесах, и все, что на земле,

Ни криком радости, ни ропотом страдания
Нарушить не дерзнет, скрываясь во мгле,
Благоговейного и робкого молчания.
Преобразился мир в какой-то дивный храм,
Где каждая звезда затеплилась лампадой,
Туманом голубым струится фимиам,
И горы вознеслись огромной колоннадой;
И, распростерта ниц, колена преклонив,
Как будто таинство должно здесь совершиться,
Природа вечная, как трепетная жрица,
Возносит к небесам молитвенный призыв:
«Когда ж, о Господи, окончится раздор
За каждый клочок земли, за миг существования,
Слепых и грубых сил ожесточенный спор?
Пошли мне ангела любви и сострадания!..
Не Ты ли создал мир, Владыка всемогущий,
Взгляни, – он пред Тобой в отчаянье поник, —
Увы, не прежний мир, не юноша цветущий,
А дряхлый и больной измученный старик!...»

Тысячелетия промчались над вселенной..
О мире и любви с надеждой неизменной
Природа к небесам вызывает каждый день,
Когда спускается лазуревая тень,
Когда стихает пыл и гром житейской битвы,
Слезами падает обильная роса,
Когда сливаются ночные голоса
В одну гармонию торжественной молитвы
И тихой жалобой стремятся в небеса.

1883

«Если розы тихо осыпаются...»

Если розы тихо осыпаются,
Если звезды меркнут в небесах,
Об утесы волны разбиваются,
Гаснет луч зари на облаках, —

Это смерть,— но без борьбы мучительной;
Это смерть, пленяя красотой,
Обещает отдых упоительный —
Лучший дар природы всеблагой.

У нее, наставницы божественной,
Научитесь, люди, умирать,
Чтоб с улыбкой кроткой и торжественной
Свой конец безропотно встречать.

1883

Вечер

Посвящается С. Я. Надсону

Говорят и блещут с вышины
Зарей рассыпанные розы
На бледной зелени березы,
На темном бархате сосны.
По красной глине с тощим мохом
Бреду я скользкою тропой;
Струится вечер надо мной
Благоуханным, теплым вздохом.
Поникнув, дремлют тростники;
Сверкает пенистой пучиной,
Разбито вдребезги плотиной
Стекло прозрачное реки.
Колосья зреющего хлеба
Глядят с обрыва на меня;
Там колья ветхого плетня
Чернеют на лазури неба...
Уж пламень меркнувшего дня
Бледней, торжественней и тише;
Он поднимается все выше,
Он охватил своим огнем
В деревне бедной над холмом
Две-три соломенные крыши
И стадо желтое утят,
И лужу в колеях дороги,
И темно-бронзовые ноги
Толпы играющих ребят...
И перед смертью кроткий взгляд,
О день, кидаешь ты с любовью
На беспредельные поля,

И, мнится, чей-то знойной кровью
Облиты небо и земля...
Погибший день, ты был ничтожен
И пуст, и мелочно тревожен;
За что ж на тихий твой конец
Самой природою возложен
Такой блистательный венец?

1884, Сиверская

Южная ночь

О ночь полуденного края,
Полна ты мощной красотой,
По небу тихо пролетая
Над очарованной землей.
Горя, как жемчугом, звездами,
Ты ароматом облита,
Прозрачно синими тенями
Ты, словно дымкой, обвита;
И, как над зеркалом, склоняясь
Над гладью моря голубой,
Залюбовалась ты собой,
Нарядом пышным облакаясь...
Скажи, богиня, для кого
Ты в ризы брачные одета?
Ты ждешь ли друга своего,
Порфироносного рассвета,

Чтоб, полон дерзостных надежд,
Он, как дрожащими устами,
Твоих лазуревых одежд
Коснулся алыми лучами;
Чтоб лучезарный юный бог
С тебя покров сорвал, ликуя,
И тело смуглое зажег
Могучим зноем поцелуя;
Чтоб, вся бледнея, вся дрожа,
Ты отдалась ему мятежно,
Как вешний цвет фиалки нежной,
Благоуханна и свежа;
Чтоб ты, с улыбкой тихо тая
Под лаской утра и тепла,
О ночь, вакханка молодая,
В объятьях солнца умерла!

1884

«И вот опять проносятся, играя...»

И вот опять проносятся, играя,
Как вереница чудных снов,
По небесам ликующего Мая
Гряды жемчужных облаков;

Нам вечно мил привет его коварный;
А между тем уж сколько раз,

Обворожив улыбкой светозарной,
Весна обманывала нас!

Но что мне в том: пускай за призрак счастья
Погибло тысячи людей,
Купив ценой угрюмого ненастья
Тепло и ласку вешних дней, —

На этот раз так глубоко и ровно
Лазурью блещет свод небес,
И очи звезд мерцают так любовно,
Так нежно зелен юный лес,

Что, все простив, я должен им поверить,
К природе кинувшись на грудь:
Ей наконец наскучит лицемерить,
Ей будет стыдно обмануть...

Я так устал в цепях моей неволи
И в долгой медленной борьбе, —
Нет, не прошу, но, как законной доли,
Я счастья требую себе:

О светлый Май, пока еще не поздно,
Ты мне не вправе отказать —
Меня хоть раз, как жертву смерти грозной,
Цветами жизни увенчать!

Май 1884

В полях

Здания, трубы, кресты колоколен —
Все за мной исчезает вдали;
Свежий воздух — прозрачен и волен,
Напоен ароматом земли.
И скользят, как жемчужная пена,
Облака из-за дальних холмов
Над стогами пахучего сена,
Над каймой темно-синих дубров.
И стада отдыхают лениво
На душистом ковре муравы;
Над болотами стаяй крикливой
Из высокой и влажной травы,
Где блестят бирюзой незабудки
Под огромным листом лопуха, —
Подымаются дикие утки...
Чуть доносится крик петуха,
И дымок деревушки далекой
Улетает в безбрежный простор,
Что подернут слегка поволокой,
Как мечтательный, вдумчивый взор.
Все вокруг для меня так знакомо,
Словно путник из чуждых краев,
Я вернулся под родственный кров
Вечно милого, старого дома.
И лучи светозарного дня,

Чистоты целомудренной полны,
В мою грудь проникают, как волны,
Как поток голубого огня,
Чтоб ее с вышины безграничной
Целым морем сиянья облить,
Чтобы душу от пыли столичной
Мне струями лазури омыть.

1884

Усни

Уснуть бы мне навек, в траве, как в колыбели,
Как я ребенком спал в те солнечные дни,
Когда в лучах полуденных звенели
Веселых жаворонков трели
И пели мне они:
«Усни, усни!»

И крылья пестрых мух с причудливой окраской
На венчиках цветов дрожали, как огни.
И шум деревьев казался чудной сказкой.
Мой сон лелея, с тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И убегая вдаль, как волны золотые,
Давали мне приют в задумчивой тени,

Под кущей верб, поля мои родные,
Склонив колосья наливные,
Шептали мне они:
«Усни, усни!»

1884

На высоте

Как бриллиантовые скалы,
Возносит глетчер груды льдин —
Голубоватые кристаллы
Каких-то царственных руин.
И блещут – нестерпимо ярки —
Из цельной глыбы хрусталя
Зубцы, готические арки
И безграничные поля,
Где под июльскими лучами
Из гротов тающего льда
Грохочет мутными струями
Бледно-лазурная вода.
А там вдали, как великаны,
Утесы Шрекгорна встают
И одеваются в туманы,
И небо приступом берут.
И с чудной грацией повисли,
Янтарной дымкой обвиты,
Полувоздушные хребты,

Как недосказанные мысли,
Как золотистые цветы.

1885, Юнгфрау

В Альпах

Я никогда пред вечной красотой
Не жил, не чувствовал с такою полнотою.
Но все мне кажется, что я не на земле,
Что я перенесен на чуждую планету:
Я верить не могу такой прозрачной мгле,
Такому розовому свету;
И верить я боюсь, чтоб снеговой обвал
Так тяжело ревел и грохотал,
Что эти пропасти так темны,
Что эти груды диких скал
Так подавляюще огромны;
Не верю, чтобы мог я видеть пред собой
Такой простор необозримый,
Чтоб небо вспыхнуло за черною горой
Серебряной зарей —
Зарей луны еще незримой,
Что в темно-синей вышине —
Такая музыка безмолвия ночного,
И не доносится ко мне
В глубокой тишине
Ни шороха, ни голоса земного:

Как будто нет людей, и я совсем один,
Один – лицом к лицу с безвестными мирами,
В кругу таинственно мерцающих вершин,
Заброшен в небеса среди пустых равнин,
Покрытых вечными снегами
И льдами дремлющих лавин...
О, пусть такой красе не верю я, как чуду;
Но что бы ни было со мной —
Нигде и никогда, ни перед чьей красотой —
Я этой ночи не забуду.

1885, Юнгфрау

Даль

Я к берегу сошел: противны мне леса,
Где буйный пир весны томит меня тревогой,
Где душно от цветов, где жизни слишком много...
А здесь передо мной бездушная краса —
Здесь только волны, тучи, небеса;
Их вечный полусон таинственно безмолвный
Баюкает мой мозг, недугом знойным полный,
И притупляет боль сознания моего,
И если долго я гляжу на эти волны,
Где все – движенье, блеск и шум, но все – мертво,
Тогда в груди моей уж больше нет страданий,
Надежд, любви, воспоминаний;
Я ничему не рад, мне ничего не жаль,

И весь я уйду туда, в немую даль,
Что веет на меня знакомою печалью.
О как бы слиться нам, обняться крепче с ней,
Но так, чтоб эта даль могла остаться далью
Вблизи, вокруг меня, в глазах, в груди моей!

1885

После грозы

Минутная гроза умчалась далеко.
Меж туч, разорванных порывом краткой бури,
Мелькнула бирюза сверкающей лазури.
Все окна в комнате открыл я широко, —
И теплый аромат земли, дождем омытой,
С благоуханьем трав принес мне ветерок,
И к солнцу протянул свой бархатный цветок
Гелиотроп в саду, лучами весь облитый;
Залетный жук гудит и бьется о стекло.
Вспорхнула бабочка, — прозрачно и светло,
В отливе янтаря рубиновым узором
Два крылышка сквозят над влажной резедой...
А там, вдали — поля с их голубым простором,
И тянутся леса зубчатую стеной
На рубеже небес...
И радуюсь безлюдью,
Пахучей свежестью дышу я полной грудью.
Но вот толпа детей сбежалась под окном,

Чтоб в лужу опустить кораблик из бумаги;
Звонят их голоса, полны живой отваги,
Звонят, как бы в ответ на дальний слабый гром, —
И смехом молодым, как музыкой веселой,
Победно заглушен раскат его тяжелый.

1885

«В путь, скорее в далекий, неведомый путь...»

В путь, скорее в далекий, неведомый путь!
Жаждет сердце мое беспредельной лазури.
И глаза, и лицо, и горячую грудь
Я открою навстречу несущейся бури.

Дальше, дальше!.. Пускай ураганом летят
Степи, волны, леса, города и селенья.
Все, что было мне мило, умчится назад,
Я забыться хочу в этом вихре движенья!

Дальше, дальше!.. В лучах заходящего дня
Широко предо мною мой путь золотится...
Ни вражда, ни любовь не удержат меня, —
Я лечу, я лечу, как свободная птица!

1886

«Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»

Пощады я молю! Не мучь меня, Весна,
Не подходи ко мне с болезненной лаской
И сердца не буди от мертвенного сна
Своей младенческой, но трогательной сказкой.

Ты видишь, как я слаб, — о сжался надо мной!
Меня томит и жжет твой ветер благовонный.
Я дорого купил забвенье и покой, —
Оставь же их душе, страданьем утомленной...

1886

«Сегодня в заговор вступили ночь и розы...»

Сегодня в заговор вступили ночь и розы,
И звезды бледные, смеясь, мне говорят:
«Ты, гордый человек, не верующий в грезы,
Зачем пришел ты к нам в душистый темный сад?
За лампою, меж книг, беседея с друзьями,
Не ты ли сам шутил, оратор молодой,
Над пеньем соловья и глупыми стихами,

Над вздохами любви и девственной луной...
Теперь ты – здесь, меж нас; но где твое бесстрашие?
Безумец, в эту ночь попробуй не любить
И жажду красоты рассудком победить,
Попробуй не мечтать, не тосковать о счастье!
Дитя, ты помнишь ли советы умных книг?
Так смейся же теперь, не веря нашей власти.
Но что с тобой? О чем ты плачешь? Бледный лик
Зачем на грудь твою в отчаянье поник?
Ужель твой гордый ум под жгучим вихрем страсти
Дрожит и зыблется, как сломанный тростник!..»

1887

«Черные сосны на белый песок...»

Черные сосны на белый песок
Кинули странные тени;
Знойные крылья сложил ветерок,
Полон задумчивой лени.

Море чуть дышит... В объятьях волны
Небо таинственно дремлет;
И дуновенью святой тишины
Сердце усталое внемлет.

1887

«По ночам ветерок не коснется чела...»

По ночам ветерок не коснется чела,
На балконе свеча не мерцает,
И меж белых гардин темно-синяя мгла
Тихо первой звезды ожидает.

По утрам открываю окно и гляжу,
Распустились ли гроздья сирени;
И без дела в полях целый день я брожу,
Полон кроткой, чарующей лени.

Словно с кем-то живым говорю я в лесах,
Непонятной тоской опьяненный,
И в моих одиноких безумных мечтах
Без любви – я живу как влюбленный...

1887

«Ласковый вечер с землею прощался...»

Ласковый вечер с землею прощался,
Лист шелохнуться не смел в ожиданье.
Грохот телеги вдали раздавался...
Звезды, дрожа, выступали в молчанье.

Синее небо – глубоко и странно;
Но не смотри ты в него так пытливо,
Но не ищи в нем разгадки желанной, —
Синее небо, – как гроб, молчаливо.

1887

«Задумчивый Сентябрь роскошно убирает...»

Задумчивый Сентябрь роскошно убирает
Леса, увядшие багряною листвою;
Так мертвое дитя для гроба украшает
Рыдающая мать цветами и парчой.
Гляжу на бледные, лазуревые своды
Безжизненных небес и чувствую в тиши
Согласье тайное измученной души
И умирающей природы.

1887

«Кроткий вечер тихо угасает...»

Кроткий вечер тихо угасает
И пред смертью ласкою немой

На одно мгновенье примиряет
Небеса с измученной землей.

В просветленной, трогательной дали,
Что неясна, как мечты мои, —
Не печаль, а только след печали,
Не любовь, а только тень любви.

И порой в безжизненном молчанье,
Как из гроба, веет с высоты
Мне в лицо холодное дыханье
Безграничной, мертвой пустоты...

26 августа 1887, на Каме

«В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах...»

В сиянье бледных звезд, как в мертвенных очах —
Неумолимое, холодное бесстрашие;
Последний луч зари чуть брезжит в облаках,
Как память о минувшем счастье.
Безмолвным сумраком полна душа моя:
Ни страсти, ни любви с их сладостною мукой, —
Все замерло в груди... лишь чувство бытия
Томит безжизненной скукой.

Сентябрь 1887

**«В этот вечер, горячий,
немой и томительный...»**

В этот вечер, горячий, немой и томительный,
Не кричит коростель на туманных полях;
Знойный воздух в бреду засыпает мучительно,
И болезненной сыростью веет в лесах;

Там растенья поникли с неясной тревогою,
Словно бледные призраки в дымке ночной...
Промелькнет только жаба над мокрой дорогою,
Прогудит только жук на опушке лесной.

В душном мертвенном небе гроза собирается,
И боится природа, и жаждет грозы.
Непонятым предчувствием сердце сжимается
И тоскует, и ждет благодатной слезы...

1887

**«Природа говорит мне с
царственным презреньем...»**

Природа говорит мне с царственным презрением:
«Уйди, не нарушай гармонии моей!
Твой плач мне надоел, не оскорбляй мученьем
Спокойствия моих лазуревых ночей.

Я все тебе дала – жизнь, молодость, свободу, —
Ты все, ты все отверг с бессмысленной враждой,
И дерзким ропотом ты оскорбил природу,
Ты мать свою забыл – уйди, ты мне чужой!

Иль мало для тебя на небе звезд блестящих,
Немого сумрака в задумчивых лесах,
И чудной музыки в волнах моих шумящих,
И дикой красоты в заоблачных горах?

Я все тебе дала, – и в этом чудном мире
Ты не сумел хоть раз счастливым быть, как все:
Как счастлив зверь в лесу и ласточка в эфире,
И дремлющий цветок в серебряной росе.

Ты радость бытия сомненьем разрушаешь:
Уйди! Ты гадок мне, бессильный и больной...
Пытливый разумом и гордою душой
Ты счастья без меня ищи себе, как знаешь!»

«Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою...»

Здесь, в теплом воздухе, пропитанном смолою,
Грибов и сырости, и блеклого листа
Сильнее запах пред грозою,
И нитки паутин над влажною травой
Окрашены пестрей в блестящие цвета,
Томительней пчелы полдневное жужжанье,
Тяжеле аромат от липовых цветов,
И ландышей лесных нежней благоуханье,
И ярче белизна березовых стволов.
Здесь все еще полно неясною тревогой...
Но тени грозные над нивою скользят,
И пыль уже взвилась над знойною дорогой,
И скоро под дождем колосья зашумят.

1887

Родина

Над немим пространством чернозема,
Словно уголь, вырезаны в тверди
Темных изб подгнившая солома,
Старых крыш разобранные жерди.

Солнце грустно в тучу опустилось,
Не дрожит печальная осина,
В мутной луже небо отразилось,
И на всем – знакомая кручина...

Каждый раз, когда смотрю я в поле,
Я люблю мою родную землю;
Хорошо и грустно мне до боли, —
Словно тихой жалобе я внемлю.

В сердце – мир, печаль и безмятежность,
Умолкает жизненная битва...
А в груди – задумчивая нежность
И простая детская молитва.

1887

На Волге

Река блестит, как шелк лазурно-серебристый;
В извилинах луки белеют паруса.
Сквозь утренний туман каймою золотистой
Желтеет отмели песчаная коса.
Невозмутимый сон – над Волгою могучей;
Порой лишь слышен плеск рыбацкого весла.
Леса на Жигулях синеют грозной тучей,
Раскинулись плоты деревнею плавучей,

И тянется дымок далекого села...
Как много воздуха, и шири, и свободы!..
А людям до сих пор здесь душно, как в тюрьме.
И вот в какой стране, среди какой природы
Отчизна рабским сном глубоко спит во тьме...
.....

12 апреля 1887, Самара

Часть III

*Душа, сожженная любовью,
для вечности, как феникс, возродится.
Микеланджело*

Из Альфреда Мюссэ

Ты, бледная звезда, вечернее светило,
В дворце лазуревом своем,
Как вестница встаешь на своде голубом.
Зачем же к нам с небес ты смотришь так уныло?
Гроза умчалася, и ветра шум затих,
Кудрявый лес блестит росой, как слезами,
Над благовонными лугами
Порхает мотылек на крыльях золотых.
Чего же ищет здесь, звезда, твой луч дрожащий?..
Но ты склоняешься, ты гаснешь – вижу я —
С улыбкою бежишь, потупив взор блестящий,
Подруга кроткая моя!
Слезинка ясная на синей ризе ночи,
К холму зеленому сходящая звезда,
Пастух, к тебе подняв заботливые очи,
Ведет послушные стада.
Куда ж стремишься ты в просторе необъятном?
На берег ли реки, чтоб в камышах уснуть,

Иль к морю дальнему направишь ты свой путь
В затишье ночи благодатном,
Чтоб пышным жемчугом к волне упасть на грудь?
О, если умереть должна ты, потухая,
И кудри светлые сокрыть в морских струях, —
Звезда любви, молю тебя я:
Перед разлукою, последний луч роняя,
На миг остановись, помедли в небесах!

Март 1882

«Я никогда так не был одинок...»

Я никогда так не был одинок,
Как на груди твоей благоуханной,
Где я постиг невольно и неожиданно,
Как наш удел насмешливо-жесток:
Уста к уста, в блаженстве поцелуя,
Ко груди грудь мы негою полны,
А между тем, по-прежнему тоскуя,
Как у врагов, сердца разлучены.
Мы далеки, мы чужды друг для друга:
Душе с душой не слиться никогда,
И наш восторг, как смутный жар недуга,
Как жгучий бред, исчезнет без следа.
Мне за тебя невыразимо грустно,
Ты тихо взор склонила предо мной,
И, нашу боль скрывая неискусно,

Мой бедный друг, как жалки мы с тобой...

1883

Эрот

Молнию в тучах Эрот захватил, пролетая;
Так же легко, как порой дети ломают тростник,
В розовых пальцах сломал он, играя, стрелу
Громовержца:
«Мною Зевес побежден!» – дерзкий шалун закричал,
Взоры к Олимпу подняв, с вызовом в гордой улыбке.

1883

В сумерки

Был зимний день; давно уже стемнело,
Но в комнату огня не приносили;
Глядело в окна пасмурное небо,
Сырую мглу роняя с вышины,
И в стекла ударяли хлопья снега,
Подобно стае белых мотыльков;
В вечерней мгле багровый свет камина
Переливался теплою волной
На золотой парче японских ширм,

Где выступал богатый арабеск
Из райских птиц, чудовищных драконов,
Летучих рыб и лилий водяных.
И надо всем дыханье гиацинтов
В таинственной гармонии слилось
С бледно-лазуревым отцветом шелка
На мебели причудливо роскошной;
И молча ты лежала предо мной,
И, уронив любимый том Кольриджа
На черный мех пушистого ковра,
Вся бледная, но свежая, как ландыш,
Вся в кружево закутанная, грелась
Ты в розовом мерцании камина;
И я шептал, поникнув головой:
«О для чего нам не шестнадцать лет,
Чтоб мы могли обманывать друг друга
Надеждами на вечную любовь!
О для чего я в лучшие мгновенья
Так глубоко, так больно сознаю,
Что этот луч открывшегося неба,
Как молния, потухнет в море слез!
Ты так умна: к чему же лицемерить?
Нам не помогут пламенные клятвы.
Мы сблизились на время, как и все,
Мы, как и все, случайно разойдемся:
Таков судьбы закон неумолимый.
День, месяц, год, – каков бы ни был срок, —
Любовь пришла, любовь уйдет навеки...
Увы, я знаю все, я все предвижу,

Но отворотить удара не могу, —
И эта мысль мне счастье отравляет.
Нет, не хочу я пережить мгновенье,
Что навсегда должно нас разлучить.
Ты все простишь, ты все поймешь — я знаю, —
Услышь мою безумную мольбу!...»
Тогда с порывом ласки материнской
К себе на грудь меня ты привлекла
И волосы так нежно целовала,
И гладила дрожащею рукой.
И влага слез, твоих горячих слез,
Как теплый дождь, лицо мне орошала,
И говорил я в страстном забытьи:
«Услышь мою безумную мольбу:
В урочный миг, как опытный художник,
Ты заверши трагедию любви,
Чтоб кончилась она не пошлым фарсом,
Но громовым, торжественным аккордом:
Лишь только тень тоски и пресыщенья
В моих чертах заметишь ты впервые, —
Убей меня, но так, чтоб без боязни,
С вином в бокале, весело шутя,
Из милых рук я принял яд смертельный.
И на твоей груди умру я тихо,
Усну навек, беспечно, как дитя,
И перелью в последнее лобзание
Последний пламень жизни и любви!...»

.....

1884

Осень (Из Бодлэра)

Я люблю ваши нежно-зеленые глазки;
Но сегодня я горьким предчувствием полн:
Ни камин в будуаре, ни роскошь, ни ласки
Не заменят мне солнца, лазури и волн.
Но каков бы я ни был, как мать, пожалейте
И простите меня, будьте милой сестрой
И угрюмого, злого любовью согрейте,
Как осеннее небо вечерней зарей.
Труд недолгий... Я знаю: могила немая
Ждет... О, дайте же, дайте под желтым лучом
Сентября золотого, про май вспоминая,
Мне на ваши колени поникнуть челом.

1884

Из Бодлэра

Голубка моя,
Умчимся в края,
Где всё, как и ты, совершенство,
И будем мы там

Делить пополам
И жизнь, и любовь, и блаженство.
Из влажных завес
Туманных небес
Там солнце задумчиво блещет,
Как эти глаза,
Где жемчуг-слеза,
Слеза упоенья трепещет.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

Вся мебель кругом
В покое твоём
От времени ярко лоснится.
Дыханье цветов
Заморских садов
И веянье амбры струится.
Богат и высок
Лепной потолок,
И там зеркала так глубоки;
И сказочный вид
Душе говорит
О дальнем, о чудном Востоке.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

Взгляни на канал,

Где флот задремал:
Туда, как залетная стая,
Свой груз корабли
От края земли
Несут для тебя, дорогая.
Дома и залив
Вечерний отлив
Одел гиацинтами пышно,
И теплой волной,
Как дождь золотой,
Лучи он роняет неслышно.

Это мир таинственной мечты,
Неги, ласк, любви и красоты.

1885

«Меня ты, мой друг, пожалела...»

Меня ты, мой друг, пожалела;
Но верить ли ласке твоей?
От этой случайной улыбки
На сердце – еще холодней:

Бездомный, голодный бродяга
Избитый мотив пред тобой
Играет на ветхой шарманке
Дрожащей, неверной рукой;

И жалко его, и досадно,
И песня знакома давно;
Чтоб прочь уходил он, монету
Ему ты бросаешь в окно.

1885

«...Потух мой гнев, безумный, детский гнев...»

...Потух мой гнев, безумный, детский гнев:
Все время я себя обманывал напрасно:
Я вновь у ног твоих, — и радостный напев
Из груди просится так пламенно и страстно.
Наперекор всему, в проклятии моем
Тебе, всеильная, одна любовь звучала,
И даже в злобный миг при имени твоём
Мятежная душа от счастья трепетала.
И вот — я снова твой... Зачем таить любовь?
Как будто не о том я день и ночь мечтаю,
Когда и где, и как тебя я повстречаю,
Как будто не тебе отдам я жизнь и кровь;
Как будто в серой мгле под бременем страданья
Влачу я темный век не для тебя одной;
Когда гляжу я вдаль с улыбкой упования,
Как будто не тебя я вижу пред собой...

Ты – вдохновение, ты – творческая сила,
Ты – все: полна тобой полуночная тишь,
В благоуханье роз со мной ты говоришь,
И сумрак дней моих ты светом напоила...

1885

Франческа Римини

Порой чета голубок над полями
Меж черных туч мелькнет перед грозою,
Во мгле сияя белыми крылами;

Так в царстве вечной тьмы передо мною
Сверкнули две обнявшиеся тени,
Озарены печальной красотой.

И в их чертах был прежний след мучений,
И в их очах был прежний страх разлуки,
И в грации медлительных движений,

В том, как они друг другу жали руки,
Лицом к лицу поникнув с грустью нежной,
Былой любви высказывались муки.

И волновалась грудь моя мятежно,
И я спросил их, тронутый участием,
О чем они тоскуют безнадежно,

И был ответ: «С жестоким самовластьем
Любовь, одна любовь нас погубила,
Не дав упиться мимолетным счастьем;

Но смерть – ничто, ничто для нас – могила,
И нам не жаль потерянного рая,
И муки в рай любовь преобразила.

Завидуют нам ангелы, взирая
С лазури в темный ад на наши слезы,
И плачут втайне, без любви скупая.

О, пусть Творец нам шлет свои угрозы,
Все эти муки – слаще поцелуя,
Все угли ада искрятся, как розы!»

«Но где и как, – страдальцам говорю я, —
Впервый меж вами пламень страстной жажды
Преграды сверг, на цепи негодуя?»

И был ответ: «Читали мы однажды
Наедине о страсти Ланчелотта²,
Но о своей лишь страсти думал каждый.

Я помню книгу, бархат переплета,

² *Ланчелотт (Ланселот) Озерный* – герой романа Кретьена де Труа «Ланселот или Рыцарь Телеги» – один из рыцарей Круглого Стола, влюбленный в королеву Геньевру, жену короля Артура.

Я даже помню, как в заре румяной
Заглавных букв мерцала позолота.

Открыты были окна, и туманный,
Нагретый воздух в комнату струился;
Ронял цветы жасмин благоуханный.

И мы прочли, как Ланчелотт склонился
И, поцелуем скрыв улыбку милой,
Уста к устам, в руках ее забылся.

Увы! нас это место погубило,
И в этот день мы больше не читали,
Но сколько счастья солнце озарило!...»

И тень умолкла, полная печали.

1885

Признание

На что мне чудеса волшебной красоты,
На что мне глетчеров безмолвная громада
И в радужной пыли над пеной водопада
Из тонких проволок сплетенные мосты,
Туннели грозные, где в сумраке вагона
Лазурной молнией врывается простор
Сверкающих озер, —

Обломков бирюзы, упавшей с небосклона
В кольцо жемчужно-белых гор?
На что мне цветники в задумчивых аллеях,
На что мне полутьма таинственных дубров,
И краски панорам блестящих городов,
И тысячи картин в старинных галереях,
На что мне океан и башня маяка,
Как уголь черная, на пурпуре заката,
И свежий запах волн, и песня рыбака,
И выющийся дымок далекого фрегата?
На что мне вся земля и свет, и жизнь? На что
Весь мир великий, мир ничтожный?
Мне сердце говорит: «Не то, не то!»
И дальше я бегу с мечтой моей тревожной:
Не нужно мне дворцов, благоуханных роз
И чуждых берегов, и моря, и простора!
Я жажду долгого, мерцающего взора,
Простых и тихих слов, простых и теплых слез, —
Немного ласки и участия,
Одной улыбки милых глаз,
Немного сумрака в глубоко мирный час
И капли, только капли счастья!..

1886

«Мы идем по цветущей дороге...»

Мы идем по цветущей дороге,

И над нами сияет весна...
Мы блаженны, мы сильны, как боги,
Наша жизнь – глубока и полна.

Прочь, боязнь!.. Упивайся мечтою,
И не думай о завтрашнем дне,
И живи, и люби всей душою,
И отдайся могучей весне!

Нам не страшны ни муки, ни беды,
Наша молодость чудо свершит
И рыдания – в песни победы,
И печаль в красоту превратит!

Да! Над миром мы властны, как боги,
Вся природа для нас создана...
Так вперед же, вперед – без тревоги
По широкой, цветущей дороге!
Здравствуй, жизнь и любовь, и весна!

1886

**«Ты читала ль преданья,
как жгли христиан...»**

Ты читала ль преданья, как жгли христиан,
Как за Бога они умирали

И с восторгом молили, не чувствуя ран,
Чтоб сильней палачи их терзали?

Так за имя твое прикажи умереть, —
И на смерть я пойду, дорогая:
Буду громко «осанна!», как мученик, петь,
Буду славить любовь, умирая.

1886

«О дитя, живое сердце...»

О дитя, живое сердце
Ты за мячик приняла:
Этим мячиком играешь,
Беззаботно весела.

Ты, резвясь, кидаешь сердце
То к лазури, то во прах
С тем же хохотом беспечным
На пленительных устах.

1886

«По дебрям усталый брожу я в тоске...»

По дебрям усталый брожу я в тоске,
Рыдает печальная осень;
Но вот огонек засиял вдалеке
Меж диких, нахмуренных сосен.

За ним я с надеждой кидаюсь во мрак,
И сил мне последних не жалко:
Мне грезится комнатка, светлый очаг
И милая Гретхен за прялкой;

Мне грезится бабушка с книгой в руках
И внуков румяные лица;
Там утварь сияет в дубовых шкапах
И суп ароматный дымится.

Все дальше во мрак я бегу за мечтой;
Откуда-то сыростью веет...
Зачем колыхнулась земля под ногой,
И в жилах вся кровь леденеет?

Болото!.. Так вот, что готовил мне рок:
Блуждая во мраке ненастья,
Я принял болотный лесной огонек
За пламень надежды и счастья!

И тина влечет мое тело ко дну,
Она задушить меня хочет.
Я в смрадном болоте все глубже тону,
И громко русалка хохочет...

**«Не думала ли ты, что,
бледный и безмолвный...»**

Не думала ли ты, что, бледный и безмолвный,
Я вновь к тебе приду, как нищий, умолять,
Тобой отвергнутый, тобою вечно полный,
Чтоб ты позволила у ног твоих рыдать?
Напрасная мечта! Слыхала ль ты порою,
Что в милой праздности не все, как ты, живут,
Что где-то есть борьба и мысль, и честный труд
И что пред ними ты – ничто с твоей красою?
Смотри, – меня зовет огромный светлый мир:
Есть у меня бессмертная природа
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспир!
И думать ты могла, что я томиться буду
Или у ног твоих беспомощно рыдать?
Нет, стыдно пред тобой мне слезы расточать, —
Забудь меня скорей, как я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнева моего, поверь, не заслужила, —
Но если б ты могла понять, какая сила
Была у ног твоих, когда со мной, шутя,
Играла ты в любовь и все потом разбила, —

Тогда лицо твое зарделось бы стыдом,
И над поруганной любовью, над мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я, а ты в отчаянье немом
Рыдала бы теперь горячими слезами!

1886

«Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя...»

Давно ль желанный мир я звал к себе, тоскуя,
Любил и проклинал любви святую власть,
Давно ли из цепей я рвался, негодуя, —
И цепи порвались, и миновала страсть.

Любовь — побеждена, — но сердце недовольно.
О чем оно грустит, чего ему так жаль?
Ужели с муками душе расстаться больно,
Ужель так дороги ей слезы и печаль?

Свобода без любви — угрюмая темница:
Отдам я все, — и жизнь, и радость, и покой,
Но только б вновь любить с безумною тоской,
Страдать, как я страдал, и плакать, и томиться!

1886

«Ищи во мне не радости мгновенной...»

Ищи во мне не радости мгновенной.
Люби меня не для себя одной;
Как Беатриче образ вдохновенный,
Ты к небесам мне светлый путь открой.
Склонясь ко мне с пленительной заботой,
Ты повторяй: «Будь добрым для меня,
Иди в борьбу, и мысли, и работай,
Вперед, за мной, – я поведу тебя!»
И каждой ласке, каждому упреку
Заставь меня ты радостно внимать;
Как женщина, ревнуй меня к пороку
И береги, как любящая мать.

1886

Ариванза

Милый друг, я тебе рассказать не могу,
Что за пламень сжигает мне грудь:
Запеклись мои губы, дышать тяжело,
Посмотрю ль я на солнце – мне больно:
Мое солнце, мой свет, моя жизнь
Для меня никогда не блеснут.

Я дрожу, я слабею, увы, —
Как мы жалки – бессильные девы!
Я себе говорила: мой путь лучезарен,
Он усеян гирляндами лотосов белых, —
Но под лотосом белым – о горе! – таилось
Ядовитое жало змеи,
И была та змея – роковая любовь!
Не лучи ли далекой луны,
Что бесстрастно-холодным сияньем
Так чаруют, так нежат,
Не они ль эту страсть
В моем сердце зажгли?
Мне сегодня вечерней прохлады
Ветерок не принес:
Отягчен ароматом цветов,
Как огонь, он обжег мне лицо...
Ты, один только ты, мой владыка,
Покорил мою волю, наполнил мне душу,
Победил, обессилил меня!
Что мне делать?.. Едва на ногах я стою...
Вся дрожу, помутилось в очах...
И мне страшно, мне тяжело, как будто пред смертью!..

Поэмы и легенды

Протопоп Аввакум

I

Свят Христос был тих и кроток <...>

.....

Горе вам, Никониане! Вы глумитесь над Христом, —
Утверждаете вы церковь пыткой, плахой да кнутом!

.....

Горе вам: полна слезами и стенаньями полна
Опозоренная вами наша бедная страна.

Но Господь за угнетенных в гнев праведном восстал,
И прольется над землю Божьей ярости фиал.

Нашу светлую Россию отдал дьяволу Господь:
Пусть же выкупят отчизну наши кости, кровь и плоть.

Знайте нас, Никониане! Мир погибший мы спасем;

Мы столетние вериги на плечах своих несем.

За Христа – в огонь и пытку!.. Братья, надо пострадать
За отчизну дорогую, за поруганную мать!

II

Укрепи меня, о, Боже, на великую борьбу,
И пошли мне мощь Самсона, недостойному рабу...

Как в пустыне вопиющий, я на торжищах зывал
И в палатах, и в лачугах сильных мира обличал.

Помню, помню дни гоненья: вот в цепях меня ведут
К нечестивому синклиту, как разбойника, на суд.

Сорок мудрых иереев издевались надо мной.
И разжегся дух мой гневом – поднял крест я над головой

И в лицо злодеям плюнул, и, как зайцы по кустам,
Всё антихристово войско разбежалось по углам.

«Будьте прокляты! – я крикнул, – вам позор из рода в род:
Задушили правду Божью, погубили вы народ!»

Но стрельцов они позвали, ополчились на меня.
Речи полны дикой брани, очи – лютого огня.

И как волки обступили, кулаками мне грозят:
«Еретик нас обесчестил, на костер его!» – кричат.

То не бесы мчатся с криком чрез болото и пустырь, —
Чернецы везут расстригу Аввакума в монастырь.

Привезли меня в Андроньев, – тут и бросили в тюрьму,
Как скотину, без соломы – прямо в холод, смрад и тьму.

Там, глубоко под землею, в этой сумрачной норе,
Думал с завистью я, грешный, о собачьей конуре.

III

Я три дня лежал без пищи, – наступал четвертый день...
Был то сон, или виденье, – я не ведаю... Сквозь тень —

Вижу, двери отворились, и волною хлынул свет,
Кто-то чудный мне явился, в ризы белые одет.

Он принес коврижку хлеба, он мне дал немного щец:
«На, Петрович, ешь, родимый!» – и любовно, как отец,

Смотрит в очи, тихо пальцы он кладет мне на чело,
И руки прикосновенье братски-нежно и тепло.

И счастливый, и дрожащий, я припал к его ногам,
И края святой одежды прижимал к моим устам.

И шептал я, как безумный: «Дай мне муки претерпеть,
Свет-Христос, родной, желанный, – за Тебя бы умереть!..»

IV

Это было на Устюге: раз – я помню – ввечеру
Старца божьего Кирилла привели мне в конуру.

С ним в тюрьме я прожил месяц; был он праведник
душой,
Но безумным притворялся, полон ревности святой.

Всё-то пляшет и смеется, всё вполголоса поет,
И, качаясь, вместо бубнов, кандалами мерно бьет;

День юродствует, а ночью на молитве он стоит,
И горячими слезами цепи мученик кропит.

Я любил его; он тяжким был недугом одержим.
Бедный друг! Как за ребенком, я ухаживал за ним.

Он страдать умел так кротко: весь в жару изнемогал,
Но с пылающего тела власяницы не снимал.

Я печальный голос брата до сих пор забыть не мог:
«Дай мне пить!» – бывало скажет; взор – так нежен и
глубок.

На руках моих он умер; безмятежно и светло,
Как у спящего младенца, было мертвое чело.

И покойника, прощаясь, я в уста поцеловал:
Спи, Кириллушка, сердечный, спи, – ты много пострадал.

Над твоей могилой тихой херувимы сторожат;
Спи же, друг, легко и сладко, отдохни, усталый брат!

V

В конуре моей подземной я покинут был опять
Целым миром. Даже время перестал я различать.

Поглупел совсем от горя: день и ночь в углу сидишь,
Да замерзшими ногами в землю до крови стучишь.

Если ж солнце в щель заглянет и блеснет на кирпиче,
И закружатся пылинки в золотом его луче, —

Я смотрел, как паутина сеткой радужной горит,
И паук летунью-мошку терпеливо сторожит.

На заре я слушал часто, ухо к щели приложив,
Как в лазури крик касаток беззаботен и счастлив.

Сердцу воля вспоминалась, шум деревьев, небеса,
И далекая деревня, и родимые леса.

Всё прошедшее всплывало в темной памяти моей,
Как обломки над пучиной от разбитых кораблей.

Помню церковь, летний вечер; из далекого села
Молодая прихожанка исповедаться пришла.

Помню тонкие ресницы, помню бледное лицо
И кудрей на грудь упавших темно-русое кольцо...

Пахло сеном и гречихой из открытого окна,
И душа была безумной, страстной негою полна...

Над Евангелием три свечки я с молитвой засветил
И, в огне сжигая руку, пламень в сердце потушил.

Но зачем же я припомнил здесь, в тюрьме, чрез столько
лет
Этот летний тихий вечер, этот робкий полусвет?

Был и я когда-то молод; да, и мне хотелось жить,
Как и всем, хотелось счастья, сердце жаждало любить.

А теперь... я – труп в могиле! Но безумно рвется грудь
Перед смертью на свободе только раз еще вздохнуть.

VI

Из Москвы велят указом, чтоб на самый край земли
Аввакума протопопа в ссылку вечную везли.

Десять тысяч верст в Сибири, в тундрах, дебрях и лесах
Волочился я на дровнях, на телегах и плотах.

Помню – Пашков на Байкале раз призвал меня к себе;
Окруженный казаками, он сидел в своей избе.

Как у белого медведя, взор пылал; суровый лик,
Обрамлен седой гривой, налит кровью был и дик.

Грозно крикнул воевода: «Покорись мне, протопоп!
Брось ты дьявольскую веру, а не то – вгоню во гроб!»

«Человек, побойся Бога, Вседержителя-Творца!
Я страдал уже не мало – пострадаю до конца!»

«Эй, ребята, начинайте!» – закричал он гайдукам...
Повалили и связали по рукам и по ногам.

Свистнул кнут... – Окровавленный, полумертвый я

твержу:

«Помоги, Господь!» – а Пашков: «Отрекайся – пощажу».

Нет, Исусе, Сыне Божий, лучше – думаю – не жить,
Чем злодея перед смертью о пощаде мне просить.

Всё исчезло... и казалось, что я умер... чей-то вздох
Мне слышался, и кто-то молвил: «Кончено, – издох!»

VII

Я в дощанике очнулся... Тишь и мрак... Лежу на дне,
Хлещет мокрый снег да ливень по израненной спине.

Тянет жилы, кости ноют... Тяжко! страх меня объял;
Обезумев от страданий, я на Бога возроптал:

«Горько мне, Отец небесный, я молиться не могу:
Ты забыл меня, покинул, предал лютному врагу!

Где найти мне суд и правду? Чем Христа я прогневил,
И за что, за что я гибну?...» – так я, грешный, говорил.

Вдруг на небе как-то чудно просветлело, и порой
Словно ангельское пенье проносилось над землей...

Веют крылья серафимов, и кадильницы звенят,

Сквозь холодный дождь и вьюгу дышит теплый аромат.

И светло в душе, и тихо: темной ночью, под дождем,
Как дитя в спокойной люльке, – я в дощанике моем.

Ты, Исусе мой сладчайший, муки в счастье превратил,
Пристыдил меня любовью, окаянного простил!

Хорошо мне, и не знаю – в небесах, или во мне —
Словно ангельское пенье раздается в тишине.

VIII

Это край счастливый. Горы там уходят в небеса,
Их подножья осенили кедров темные леса.

Там, посеянные Богом, разрослись в тиши долин
Сладкий лук, чеснок и мята, и душистый розмарин.

По скалам – орел да кречет, в мраке девственных лесов
—

Чернобурая лисица, стаи диких кабанов.

Там и стерлядь, и осетры ходят густо под водой,
Таймень жирная сверкает серебристой чешуей.

Всё там есть, но все чужое, – люди, вера... И тоской

Ноет сердце, вспоминая об отчизне дорогой.

Повстречали мы однажды у Байкальских берегов
Соболиную станицу наших русских земляков.

Плачут миленькие, смотрят, не насмотрятся на нас,
Обнимают и жалеют, подхватили мой карбас,

И хлопчут, и смеются: каждый жизнь отдать готов;
Привезли мне на телеге сорок свежих осетров.

Вместе кашу заварили, пели песни за костром;
На чужбине Русь святую поминали мы добром.

В эту ночь, с улыбкой тихой, очи скорбные смежив,
Засыпали мы под шорох золотых, родимых нив.

IX

Ты один, Владыка, знаешь, сколько мук я перенес:
Хлеб не сладок был от горя, и вода – горька от слез.

На Шаманских водопадах, на Тунгуске я тонул,
Замерзал в сугробах, лямку с бурлаками я тянул.

Без приюта, без одежды насыщался я порой
То поганую кониной, то сосновою корой.

Пять недель мы шли по Нерчи, пять недель – все голый лед.

Деток с рухлядью в обозе лошаденка чуть везет.

Мы с женою вслед за ними, убиваячись, идем;
Скользко, ноги еле держат. Полумертвые бредем.

Протопопица, бывало, поскользнется, упадет.
На нее мужик усталый из обоза набредет,

Тоже валится, и оба на снегу они лежат,
И барахтаются в шубах, встать не могут и кричат:

«Задавил меня ты, батько!» – «Государыня, прости!»
Что тут делать, – смех и горе! Я спешу к ним подойти,

И бранит меня с улыбкой, и бредет она опять:
«Протопоп ты горемычный, долго ль нам еще страдать?»

«Видно, Марковна, до смерти!» Тихо, с ласковым лицом:
«Что ж, Петрович, – отвечает, – с Богом дальше побредем!»

На саях у нас в обозе, помню, курочка была;
Два яйца для наших деток каждый день она несла.

Чудо-птица! и за деньги нам такой бы не найти.
Жалко, бедную в обозе раздавили на пути.

До сих пор об ней я помню: я привык ее ласкать;
Мы крупу в котле семейном позволяли ей клевать:

Божья тварь! Создатель любит всех животных, как детей;
Он не брезгает, Пречистый, и последним из зверей,

Он из рук Своих питает все, что дышит и живет,
Он и птицу пожалеет, и былинку сбережет.

X

Собрались мы плыть на лодках; кормчий парус подымал;
Из тайги в ту пору беглый к нам бродяга забежал.

Он, дрожа и задыхаясь, пал на землю предо мной
И глядел мне прямо в очи с боязливою мольбой:

«Я скитался диким зверем тридцать дней в глуши лесов,
Сжался, батюшка, не выдай, скрой от лютых казаков!...»

Вижу – лоб с клеймом позорным, обруч сломанных
цепей,

Но прощенья страшно молит взор испуганных очей.

Плачет, ноги мне целует – окровавленный, в пыли:
До чего создание Божье, человека, довели!...

Я забыл, что он преступник, я хотел его поднять
И как брату, кто б он ни был, слово доброе сказать.

Но жена меня торопит: «Спрячем бедного скорей!...»
И голубка отвернулась, – льются слезы из очей.

Скрыл я миленького в лодке да подушек навалил;
Протопопицу и деток на постелю положил.

Казаки к нам скачут вихрем и с пищалями в руках,
Как затравленного зверя, ищут беглого в кустах.

И кричат нам: «Где бродяга? – уж не спрятан ли у вас?»
«Никого мы не видали, – общите наш карбас!»

Ищут, роют, но с постели бедной Марковны моей
Не согнали: «Спи, родная, не тревожься!» – молвят ей, —

«Вдоволь мук ты натерпелась!» Так его и не нашли.
Обманул я их, сердечных. Делать нечего – ушли.

Пусть же Бог меня накажет: как мне было не солгать?
Согрешил я против воли: я не мог его предать.

Этот грех мне был так сладок, дорога мне эта ложь;
Ты простишь мне, Милосердный, ты, Христос, меня
поймешь:

Не велел ли ты за брата душу в жертву принести.
Все смолкает пред любовью: чтобы гибнущих спасти,

Согрешил бы я, как прежде, без стыда солгал бы вновь:
Лучше правда пусть исчезнет, но останется любовь!

XI

Вижу – меркнет Божья вера, тьма полночная растет,
Вижу – льется кровь невинных, брат на брата восстает.

Что же делать мне? Бороться и неправду обличать,
Иль, скрываясь от гонений, покориться и молчать?

Жаль мне Марковны и деток, жаль мне светиков моих:
Как их бросить без защиты; горько, страшно мне за них!

И сидел в немом раздумье я, поникнув головой.
Но жена ко мне подходит, тихо молвит: «Что с тобой?

Отчего ты так кручинен?» – «Дорогая, жаль мне вас!
Чует сердце: я погибну, близок мой последний час.

На кого тебя оставляю?..» С нежной ласкою в очах —
«Что ты, Бог с тобой, Петрович, – молвит, – там, на
небесах

Есть у нас Ходатай вечный, ты же – бранный человек.
Он – Заступник вдов и сирот, не покинет нас вовек.

Будь же весел и спокоен, нас в молитвах поминай,
Еретическую блудню пред народом обличай.

Встань, родимый, что тут думать, встань, поди скорей во
храм,
Проповедуй слово Божье!» Я упал к ее ногам,

Говорить не мог, но молча поклонился до земли,
И в тот миг у нас обоих слезы чудные текли.

Встал я мощный и готовый на последний грозный бой.
Где ж они, враги Господни, жажду битвы я святой.

За Христа – в огонь и пытку! Братья, надо пострадать
За отчизну дорожую, за поруганную мать!

ХII

Смерть пришла... Сегодня утром пред народом поведут
На костер меня, расстригу, и с проклятьями сожгут.

Но звучит мне чей-то голос, и зовет он в тишине:
«Аввакумушка мой бедный, ты устал, приди ко Мне!»

Дай мне, Боже, хоть последний уголок в святом раю,
Только б видеть милых деток, видеть Марковну мою.

Потрудился я для правды, не берег последних сил:
Тридцать лет, Никониане, я жестоко вас бранил.

Если чем-нибудь обидел, – вы простите дураку:
Ведь и мне пришлось не мало натерпеться, старику...

Вы простите, не сердитесь, – все мы братья о Христе,
И за всех нас, злых и добрых, умирал Он на Кресте.

Так возлюбим же друг друга, – вот последний мой завет:
Все в любви – закон и вера... Выше заповеди нет.

1887

Уголино³ (легенда из Данте)

В последнем круге ада перед нами

³ *Уголино делла Герардеска*, граф Донаротико, вождь гвельфов (сторонников римских пап и защитников интересов народа) Пизы. В 1288 г. пизанские гвельфы потерпели поражение от гибеллинов (сторонников императоров и аристократии) во главе с архиепископом Пизы Руджери дельи Убальдини. Уголино убил его племянника и был заключен в башне, ключи от которой бросили в Арно. Эту историю Уголино рассказывает Данте в «Божественной комедии» («Ад», песнь тридцать третья).

Во мгле поверхность озера блистала
Под ледяными твердыми слоями.

На эти льды безвредно бы упала,
Как пух, громада каменной вершины,
Не раздробив их вечного кристалла.

И как лягушки, вынырнув из тины,
Среди болот виднеются порою, —
Так в озере той сумрачной долины

Бесчисленные грешники толпою,
Согнувшиеся, голые сидели
Под ледяной, прозрачною корою.

От холода их губы посинели,
И слезы на ланитах замерзали,
И не было кровинки в бледном теле.

Их мутный взор поник в такой печали,
Что мысль моя от страха цепенеет,
Когда я вспомню, как они дрожали, —

И солнца луч с тех пор меня не греет.
И вот земная ось уж недалеко:
Скользит нога, в лицо мне стужей веет...

Тогда увидел я во мгле глубоко
Двух грешников: безумьем пораженный,

Один схватил другого и жестоко

Впился зубами в череп раздробленный,
И грыз его, и вытекал струями
Из черной раны мозг окровавленный.

И я спросил дрожащими устами,
Кого он пожирает; подымая
Свой обагренный лик и волосами

Несчастной жертвы губы вытирая,
Он отвечал: «Я призрак Уголино,
А эта тень – Руджьер; земля родная

Злодея прокляла... Он был причиной
Всех мук моих: он заточил в оковы
Меня с детьми, гонимого судьбиной.

Тюремный свод давил, как гроб свинцовый;
Сквозь щель его не раз на тверди ясной
Я видел, как рождался месяц новый —

Когда тот сон приснился мне ужасный:
Собаки волка старого травили;
Руджьер их плетью гнал, и зверь несчастный

С толпой волчат своих по серой пыли
Влачил кровавый след, и он свалился,
И гончие клыки в него вонзили.

Услышав плач детей, я пробудился:
Во сне, полны предчувственной тоскою,
Они молили хлеба, и теснился

Мне в грудь невольный ужас пред бедою.
Ужель в тебе нет искры сожаленья?
О, если ты не плачешь надо мною,

Над чем же плачешь ты!.. Среди томленья
Тот час, когда нам пищу приносили,
Давно прошел; ни звука, ни движенья...

В немых стенах – все тихо, как в могиле.
Вдруг тяжкий молот грянул за дверями...
Я понял все: то вход тюрьмы забили.

И пристально безумными очами
Взглянул я на детей, передо мною
Они рыдали тихими слезами.

Но я молчал, поникнув головою;
Мой Анзельмуччио мне с лаской милой
Шептал: «О, как ты смотришь, что с тобою?..»

Но я молчал, и мне так тяжело было,
Что я не мог ни плакать, ни молиться,
Так первый день прошел, и наступило

Второе утро: кроткая денница
Блеснула вновь, и в трепетном мерцанье
Узнав их бледные, худые лица,

Я руки грыз, чтоб заглушить страданье.
Но дети кинулись ко мне, рыдая,
И я затих. Мы провели в молчанье

Еще два дня... Земля, земля немая,
О, для чего ты нас не поглотила!..
К ногам моим упал, ослабевая,

Мой бедный Гаддо, простонав уныло:
«Отец, о, где ты, сжался надо мною!...»
И смерть его мученья прекратила.

Как сын за сыном падал чередою,
Я видел сам своими же очами,
И вот один, один под вечной мглою

Над мертвыми, холодными телами —
Я звал детей; потом в изнеможенье
Я ощупью, бессильными руками,

Когда н глазах уже померкло зренье,
Искал их трупов, ужасом томимый,
Но голод, голод победил мученье!...»

И он умолк, и вновь, неутомимый,

Схватил зубами череп в дикой злости
И грыз его, палач неумолимый:

Так алчный пес грызет и гложет кости.

1885

Орваси

Царь Пурурава ищет свою возлюбленную в заколдованном лесу, где она превращена в лиану чарами одного отшельника.

Невидимый хор

Над душистыми цветами
Пчелы весело жужжат;
Южный ветер с облаками
Гонит теплыми волнами
Первый вешний аромат;
Ветер полон жгучей ласки,
И растенья в шумной пляске
Всеми листьями дрожат.

Царь

Этой тучи полог черный —
Мой роскошный балдахин.
Как наряден мой придворный,
Этот радужный павлин!

Мне, как дань, примчали грозы
Сотни пенистых ручьев,
И колеблются мимозы
Вместо пышных вееров.
Лишь бананы в грусти томной
Клонят нежные цветы;
Край пурпурный, венчик томный —
Все в них чудо красоты:
Я гляжу на них уныло,
В них я вижу, полный грез,
С темным взором очи милой,
Покрасневшие от слез...

Невидимый хор

Белый слон по кокосовым рощам весной
Днем и ночью без отдыха бродит:
Всюду ищет подруги своей молодой
И покоя нигде не находит.

Царь

Вот павлин: на камне диком,
Весь обрызганный дождем,
Резво прыгает он с криком
С гордо поднятым хвостом.
Ветер веет, и трепещут
Перья в ливне золотом,
И волнуются, и блещут...

Не видал ли ты, павлин,
Где-нибудь богини кроткой,
Не встречал ли средь долин
Пери с царственной походкой?..
Нет! Он радостно молчит,
Он смеется надо мною;
Только хвост его горит,
Словно тучки пред зарею.
Да, павлин, – открой смелей,
Распусти ты хвост победно!
Здесь ведь нет Орваси бедной,
Нет соперницы твоей:
Если милая, бывало,
Гиацинты заплетала
В темный шелк своих кудрей
И потом их распускала, —
То пред ней, полна стыдом,
Эта царственная птица
Не могла уже гордиться
Ярко блещущим хвостом!

Невидимый хор

По зеленой бамбуковой чаще весной
Белый слон тихой поступью бродит;
Он клыки опустил, он поник головой
И покоя нигде не находит.

Царь

Чу! Я слышу, прозвенели
Словно кольца ожерелий.
Крик блаженства затая,
Жадно внемлю... Неужели
Это – милая моя?
Нет! То лебедь над волнами
Из густых болотных трав
Звонко крикнул, увидав,
Как с весенними дождями
Тучи тянутся грядями.
Гордый лебедь, отряхнув
Желтых лотосов тычинки,
С них медовые росинки
Ты лови в свой темный клюв,
Через горы и пустыни
Собирайся в дальний путь,
Но скажи – моей богини
Не видал ли где-нибудь?..
Взор он грустно подымает,
Словно молвит: «Не видал».
Нет, он видел, но скрывает
Эту тайну; где б он взял
Столько грации свободной!..
У царевны благородной
Все движенья он украл,
И как вор бежит от казни,
Так, царя узнав во мне,
Мчится в трепетной боязни

Он к лазурной вышине.

Невидимый хор

По глубоким цветущим долинам весной
Белый слон тихой поступью бродит:
Всюду ищет подруги своей молодой
И покоя нигде не находит.

Царь

Вот пчела: благоуханьем
И теплом опьянена,
В розу прячется она;
И таинственным жужжаньем
Роза нежная полна:
Так в безумные мгновенья,
Если пери я лобзал,
Страстный шепот наслажденья
В алых губках замирал.
Где ж Орваси дорогая,
Не видала ль ты, пчела?..
Нет, ты видеть не могла:
Если б встретилась, играя,
Ты с дыханьем милых уст, —
Ты б от них не отлетела,
Ты бы видеть не хотела
Этой розы пышный куст!

Невидимый хор

Там, под кущей миндальных деревьев, весной
Белый слон тихой поступью бродит;
Он клыки опустил, он поник головой
И покоя нигде не находит.

Царь

Что за чудо! Дивный камень
Между темных скал горит;
Он кидает на гранит,
Словно кровь, пурпурный пламень.

(Наклоняется и берет его в руку)

Только мне уж не видать
Той головки, где б лучами
Над душистыми кудрями
Этот камень мог сиять!
Прочь, рубин, – тебя слезами
Я не буду омрачать.

Невидимый хор

Талисман драгоценный ты свято храни:
Он дарует влюбленным счастливые дни.

Царь *(подымая брошенный камень)*

Если так, – пусть он горит,
Как луна в короне Сивы,
И венец мой горделивый
Новым блеском озарит!

(Делая несколько шагов)

Вот лиана молодая
В светлом ливне вся дрожит,
Теплый дождь с ветвей роняя;
Это – пери дорогая:
Те же слезы, тот же вид.
Нет на ней цветов душистых,
И не манит сладкий мед
Стаю пчелок золотистых.
Что же к ней меня влечет,
Что так радует невольно?
Сам не знаю почему —
Мне так сладостно, так больно
Верить чувству моему.
Чтоб забыться на мгновенье,
Это нежное растение
Я с любовью обниму...

(Закрыв глаза, он обнимает лиану, которая под действием талисмана превращается в Орваси)

Тише, сердце, подожди...
Что-то теплое, живое,
Словно тело молодое,
Я прижал к моей груди.
Я от радости слабею:
Это пери легкий стан!
Я дрожу и пламенею,
Но очей открыть не смею
И боюсь узнать обман...

(Медленно открывая глаза)

Это ты, моя желанная!

(Теряет сознание)

Орваси
(наклоняя над ним ветви роз)
Пусть роса благоуханная
Оживит его чело!

Царь *(приходя в сознание)*

Волны музыки божественной,
Пойте громко и торжественно,
Как в душе моей светло!..

(Возлагая талисман на голову своей невесты)

Он над мраморным челом
Светит розовым огнем, —
Словно лотоса дрожащего
Бледно-матовый цветок
Пурпур солнца восходящего
Алым пламенем зажег!

Орваси

Нам давно пора домой
Возвратиться в край родной.

Царь

Брама тучу темнокрылую
В колесницу превратит,
Теплый ветер с бурной силою,
Словно конь, ее помчит;
Ленты радуг ярким пламенем
Колесницу обовьют,
И над ней победным знаменем
Грозно молнии блеснут;
Прямо к тверди ослепительной
Мы направим смелый путь,
Чтоб в лазури упоительной
Словно в море потонуть!

Невидимый хор

Белый лебедь, от счастья на шее твоей
Серебристые перья вздымаются,
И как ложе любви, в полной славе лучей —
Небеса пред тобой открываются!

1886

Страшный суд

*И я видел седьмь Ангелов,
которые стояли перед Богом,
и даны им седьмь труб.
Апокал<ипсис> VIII*

Я видел в вышине на светлых облаках
Семь грозных ангелов, стоявших перед Богом
В одеждах пламенных и с трубами в руках.
Потом еще один предстал в величье строгом,
Держа кадильницу на золотых цепях;
Горстями полными с улыбкой вдохновенной
На жертвенный алтарь бросал он фимиам,
И благовонный дым молитвою смиренной,
Молитвой праведных вознесся к небесам.
Тогда кадильницу с горящими углями
Десницей гневною на землю он поверг, —
И в тучах молнии блеснули, день померк,
И преисподняя откликнулась громами.

Семь ангелов, полны угрозой величавой,
Взмахнули крыльями, и Первый затрубил, —
И пал на землю град, огонь и дождь кровавый
И третью часть лесов дотла испепелил.
Под звук второй трубы расплавленная глыба
Была низринута в морскую глубину:
Вскипела треть пучин, и в них задохлась рыба,
И кровь, густая кровь окрасила волну.
И Третий затрубил, и с грохотом скатилась
На царственный Ефрат огромная звезда,
И в горькую полынь внезапно превратилась
В колодцах и ключах студеной вода.
Четвертый затрубил, — и в воздухе погасла
Треть солнечных лучей и треть небесных тел;
Как над потухшими светильнями без масла,
Над ними едкий дым клубился и чернел.
Откинув голову, с огнем в орлином взоре,
Блестящий херувим над миром пролетел
И страшным голосом воскликнул: «Горе, горе!...»

И Пятый затрубил, и слышал я над бездной,
Как шум от колесниц, несущихся на бой;
То в небе саранча, гремя броней железной
И крыльями треща, надвинулась грозой.
Вождем ее полков был мрачный Абадонна;
Дома, сады, поля и даже гладь морей, —
Она покрыла все, и жалом скорпиона
Высасывала кровь и мозг живых людей.
И затрубил Шестой, и без числа, без меры

Когорты всадников слетаются толпой
В одеждах из огня, из пурпура и серы
На скачущих конях со львиной головой;
Как в кузнице меха, их бедра раздувались,
Клубился белый дым из пышущих ноздрей,
Где смерч их пролетал, – там молча расстилались
Кладбища с грудями обугленных костей.
Седьмой вознес трубу: он ждал, на меч склоненный,
Он в солнце был одет и в радуге стоял;
И две его ноги – две огненных колонны,
Одной – моря, другой он земли попирал.
И книгу развернув, предстал он в грозной силе.
Как шум от многих вод, как рев степного льва,
Звучали ангела могучие слова,
И тысячи громов в ответ проговорили.
Тогда мне голос был: «Я – Альфа и Омега,
Начало и конец, я в мир грядущу! аминь».
Гряди, о Господи! Как воск, как хлопья снега,
Растает пред Тобой гранит немых твердынь.
Как женщина в родах, Природа среди пыток
В последний час полна смертельной тоской,
И небо свернуто в один огромный свиток,
И звезды падают, как осенью избыток
Плодов, роняемых оливою густой.

Песнь баядер

Он лежит под навесом пурпурного ложа
В бледно-розовом свете вечерних огней;
Молодого чела золотистая кожа
Оттеняется мраком глубоких очей.
Смотрит Будда, как девы проносятся в пляске
И вино из кувшинов серебряных льют;
Вызывающий взор – полон огненной ласки;
Ударяя в тимпан, баядеры поют.
И зовут они к радостям неги беспечной
Тех, кто молод, прекрасен, могуч и богат.
Но, как звон погребальный, как стон бесконечный,
Переливы тимпанов для Будды звучат:

«Все стремится к разрушению —
Все миры и все века,
Словно близится к паденью
Необъятная река.
Все живое смерть погубит,
Все, что мило, – смерть возьмет.
Кто любил тебя – разлюбит,
Радость призраком мелькнет.
Нет спасенья? Слава, счастье,
И любовь, и красота —
Исчезают, как в ненастье
Яркой радуги цвета.

Дух безумно к небу рвется,
Плоть прикована к земле:
Как пчела – в сосуде, бьется
Человек в глубокой мгле!»

Перед ложем царя баядеры плясали;
Но для Будды звучал тот же грустный напев
В этих гимнах, что жизнь и любовь прославляли,
В тихой музыке струн, в нежном голосе дев:

«В цвете жизни, в блеске счастья
Вкруг тебя – толпы друзей.
Сколько мнимого участия,
Сколько ласковых речей!
Нодохнет лишь старость злая,
Розы юности губя,
И друзья, как волчья стая,
К новой жертве убегая,
Отшатнутся от тебя.
Ты, отверженный богами,
Будешь нищ и одинок,
Как покинутый стадами
Солнцем выжженный поток.
Словно дерево в пустыне,
Опаленное грозой,
В поздней, старческой кручине
Ты поникнешь головой.
И погрязнешь ты в заботе,
В тине мелочных обид,

Словно дряхлый слон в болоте,
Всеми брошен и забыт.
Что нам делать? Страсти, горе
Губят тысячи людей,
Как пожар – траву степей,
И печаль растет, как море!
Что нам делать? Меркнет ум,
И толпимся мы без цели —
Так испуганных газелей
Гонит огненный самум!»

Баядеры поют про надежды и счастье,
Но напрасны тимпаны и лютни гремят;
Как рыдающий ветер в ночное ненастье,
Песни, полные жизни, для Будды звучат:

«Близок страшный день возмездья:
Задрожит земля и твердь,
И потушит все созвездья
Торжествующая смерть.
Мир исчезнет, как зарница
В полуночных небесах;
Все, что есть, нам только снится,
Вся природа – дым и прах!
Наши радости – мгновенны,
Как обманчивые сны,
Как в пучине брызги пены,
Как над морем блеск луны.
Все желанья, как сети,

Как свеча для мотыльков:
Мы кидаемся, как дети,
За виденьем лживых снов.
Страсти, неги, наслажденья —
Никому и никогда
Не приносят утоленья,
Как соленая вода...
Что нам делать? Где спаситель?
Как защитника найти?
Бодизатва-Утешитель!
Пробил час, — пора идти!
В этот пламень необъятный
Мук, желаний и страстей
Ты, как ливень благодатный,
Слезы жалости пролей!...»
.....

1886

Дон Кихот

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как палки.

Но зато как много детской
Доброты в улыбке нежной,

И в лице худом и бледном —
Сколько веры безмятежной.

Для него хромая кляча —
Конь могучий Росинанта,
Эти мельничные крылья —
Руки мощного гиганта.

Видит он в таверне грязной
Роскошь царского чертога,
Слышит в дудке свинопаса
Звук серебряного рога.

Санхо Панца едет рядом;
Гордый вид его серьезен:
Как прилично копьеносцу,
Он величествен и грозен.

В красной юбке, в пятнах дегтя,
Там, над кучами навоза, —
Эта царственная дама —
Дульцинея де Тобозо...

Страстно, с юношеским жаром,
Он толпе крестьян голодных,
Вместо хлеба, рассыпает
Перлы мыслей благородных:

«Люди добрые, ликуйте, —

Наступает праздник вечный:
Мир не солнцем озарится,
А любовью бесконечной...

Будут все равны; друг друга
Перестанут ненавидеть;
Ни алькады, ни бароны
Не посмеют вас обидеть.

Пойте, братья, гимн победный!
Этот меч несет свободу,
Справедливость и возмездье
Угнетенному народу!»

Из приходской школы дети
Выбегают, бросив книжки,
И хохочут, и кидают
Грязью в рыцаря мальчишки.

Аплодируя, как зритель,
Жирный лавочник смеется;
На крыльце своем трактирщик
Весь от хохота трясется.

И почтенный патер смотрит,
Изумлением объятый,
И громит безумье века
Он латинскою цитатой.

Из окна глядит цирюльник,
Он прервал свою работу,
И с восторгом машет бритвой,
И кричит он Дон Кихоту:

«Благороднейший из смертных,
Я желаю вам успеха!...»
И не в силах кончить слова,
Задышается от смеха.

Все довольны, все смеются
С гордым видом превосходства.
И никто в нем не заметит
Красоты и благородства.

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья:
Кроткий лик его – так светел,
Очи – полны вдохновенья.

Смейтесь, люди, но быть может,
Вы когда-нибудь поймете,
Что возвышенно и свято
В этом жалком Дон Кихоте:

Святы в нем – любовь и вера,
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

Жертва

У ясных волн священной Брамапутры
Проводит дни в молитве и посте
Божественный подвижник Усинара.
Однажды царь небес, могучий Индра
Отшельника задумал испытать.
Тогда в голубку Агни превратился,
И соколом за ней помчался Индра.
Но на груди подвижника святого,
Увидев в нем защиту от врага,
Дрожащая голубка приютилась;
Он бережно покрыл ее рукой
И ласково промолвил ей: «Не бойся!»
Но в тот же миг на каменный уступ —
Угрюм и мрачен — сокол опустился
И злобно крикнул: «По какому праву,
Могучий Усинара, ты дерзнул
Отнять мою законную добычу?» —
«Во имя милосердия и любви
Тому, кто слаб, я должен дать защиту» —
«Что значит милосердие и любовь?
В моем гнезде голодные птенцы
И день и ночь кричат: отец, дай пищи!
Лишив меня последнего куска,

Старик, ты предал их голодной смерти!» —
«Я дам тебе волшебные дворцы
И грудями каменье драгоценных,
И золотом осыплю я тебя, —
Но, — видит Бог, — я выдать не могу
Гонимую, беспомощную жертву...»
Он говорил и старческой рукой
Любовно гладил белую голубку.
«Нет, Усинара, — грозно молвил сокол, —
К чему мне золото, к чему дворцы:
Я не отдам за них моей добычи.
Смерть — побежденным, сильным — торжество, —
Таков закон природы беспощадный.
Я голоден, не мучь меня, старик...
Мне надо теплого живого мяса!
Я требую, чтоб ты мне возвратил
Кусок, моей добыче равный весом.
И если ты не хочешь, чтоб погибла
Иная жертва — мяса для меня
Из собственной груди ты должен вырвать».
Но ласково морщинистой рукой
Отшельник гладил белую голубку,
Потом взглянул на сокола, и жалость
Ко всем живым, ко всем, кого томит
Нужда и голод, жалость кротким светом
Зажглась в его божественных очах,
Задумчивых и бесконечно добрых.
Он тихо молвил соколу: «Ты прав».
И острый нож он в грудь себе вонзил,

И вырезал кусок живого мяса,
И бросил соколу взамен добычи.
Но тот сказал: «Мы смерим на весах,
Чтоб был кусок голубке равен весом».
И повелел отшельник, и пред ним
Явился рой духов его служебных.
Тяжелые огромные весы
Они к скале гранитной прицепили,
И на одну из чашек голубь сел,
И на другую бросил Усиара
Кусок кровавый собственного тела.
Но чаша с голубем не поднялась.
Еще кусок он вырезал и бросил,
Потом еще, еще... и кровь струилась,
И не было на нем живого места:
Срывал он тело с бедер, с плеч, с груди
И все кидал, кидал на эту чашу,
Что неподвижно в воздухе висела.
Вся плоть его – зияющая рана,
Под ней в крови кой-где белеет кость,
А между тем в очах глубоко ясных —
Все та же необъятная любовь.
Он подошел к весам и покачнулся,
И навзничь грохнулся, но среди мук
Он упрекал себя за эту слабость,
Он говорил: «Позор, позор тебе,
О жалкое, бессмысленное тело!..
Иль мало я учил тебя страдать,
Томил постом, сушил полднем зноем...

Вперед, скорей, – конец твой недалек:
Еще одно последнее усилие!..»
Из лужи крови бодро он поднялся,
Приблизился к весам и в них вошел,
И чаша опустилась до земли,
И радостно к лазуревому небу
Спасенная голубка вознеслась.
Вздыхнул он и промолвил: «Как я счастлив!..»
И бледное прекрасное чело
Безоблачным блаженством просияло.

1886

Аллах и Демон (мусульманское предание)

...В начале не было ни солнца, ни планет,
И над вселенною от края и до края,
Как вечная заря, могучий ровный свет
Без тени, без лучей горел, не угасая.
Как пыль разбитых волн, как смерч, как ураган
Над миллионами теснились миллионы
Бесплотных ангелов, и в светлый океан
Их огнекрылые сливались легионы.
Как в бурю грозный гул взволнованных лесов,
Гремело: «Свят, свят, свят!» – со всех концов вселенной,
И бездны вторили той песне вдохновенной.

Но вдруг над сонмами сияющих духов
Промчалась весть о том, что в недрах ночи темной
Задумал Бог создать какой-то мир огромный,
Каких-то маленьких, страдающих людей, —
Страдающих... увы, как мрачно, как сурово,
Каким предчувствием неведомых скорбей
На небе в первый раз звучало это слово!..
С поникшей головой, с покорностью в очах,
Полны томительным отчаяньем и страхом,
Безмолвно ангелы стояли пред Аллахом.
Когда же издали в испуганных рядах
Благоговейное промчалось: «Аллилуйя!»
Так стыдно в этот миг, так больно стало мне,
Что на Всевышнего восстал я, негодуя,
И ропот мой пред ним раздался в тишине;
Я видел в будущем обиды и страданья
Всех этих трепетных, беспомощных людей,
Я понял их печаль, я слышал их рыданья, —
И пламя жалости зажглось в груди моей.
Любовь великая мне сердце наполняла,
Любовь меня звала, — и я покорно шел,
На Всемогущего я рать мою повел
За мир, за бедный мир, и битва запылала...
И дрогнул в небесах сияющий престол —
Я говорил себе: отдам я жизнь мою,
Но жалкий мир людей создать я не позволю
И человечество пред Богом отстою!
О пусть я ныне пал, низверженный громами,
Пускай тройная цепь гнетет меня к земле

И грудь изрезана глубокими рубцами,
И выжжено клеймо проклятья на челе, —
Еще мой гордый дух в борьбе не утомился,
Еще горит во мне великая любовь,
И будущность – за мной, и я воскресну вновь, —
Я пал, но не сражен, я пал, но не смирился!
Не я ли пробудил могучий гнев в сердцах,
Не я ли в них зажег мятежный дух свободы?
Под знаменем моим собираются народы:
Я цепи их разбил, – и мир в моих руках!
Придите же ко мне, страдающие братья, —
И я утешу вас, и на груди моей
Найдете вы приют от Божьего проклятья:
Придите все ко мне, – я заключу в объятия
Моих измученных, обиженных детей!
Восстаньте, племена, как волны пред грозой,
Как тучи темные, наполним мы весь мир,
Необозримою, бесчисленной толпою
Покроем небеса и омрачим эфир.
Так много будет нас, что крики, вопли, стоны
Все гимны ангелов на небе заглушат, —
И язвы грешников им воздух отравят,
И в черной копоти померкнут их короны.
Дождемся, наконец, мы радостного дня:
И задрожит Аллах, и разобьет скрижали,
Поймет, что за любовь, за правду мы восстали,
И он простит людей, и он простит меня.
Как будут там, в раю, блаженны наши слезы,
Там братья-ангелы придут нас обнимать

И кровь из наших ран с любовью вытирать
Краями светлых риз, и пурпурные розы
С блестящих облаков на грешников кидать.
Как утренняя тень, исчезнет наше горе,
И небо, и земля тогда сольются вновь
В одну великую безгрешную любовь,
Как в необъятное сияющее море...

1886

Сакья-Муни

По горам, среди ущелий темных,
Где ревел осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
Под лохмотьями худое тело
От дождя и ветра посинело.
Уж они не видели два дня
Ни уютной кровли, ни огня.
Меж деревьев во мраке непогоды
Что-то там мелькнуло на пути;
Это храм – они вошли под своды,
Чтобы в нем убежище найти.
Перед ними на высоком троне —
Сакья-Муни, каменный гигант.
У него в порфировой короне —
Исполинский чудный бриллиант.

Говорит один из нищих: «Братья,
Ночь темна, никто не видит нас,
Много хлеба, серебра и платья
Нам дадут за дорогой алмаз.
Он не нужен Будде: светят краше
У него, царя небесных сил,
Груды бриллиантовых светил
В ясном небе, как в лазурной чаше...»
Подан знак, и вот уж по земле
Воры тихо крадутся во мгле.
Но когда дотронуться к святыне
Трепетной рукой они хотят, —
Вихрь, огонь и громовой раскат,
Повторенный откликом в пустыне,
Далеко откинул их назад.
И от страха все окаменело, —
Лишь один – спокойно величав —
Из толпы вперед выходит смело,
Говорит он богу: «Ты не прав!
Или нам жрецы твои солгали,
Что ты кроток, милостив и благ,
Что ты любишь утешать печали
И, как солнце, побеждаешь мрак?
Нет, ты мстишь нам за ничтожный камень,
Нам, в пыли простертым пред тобой, —
Но, как ты, с бессмертною душой!
Что за подвиг сыпать гром и пламень
Над бессильной, жалкою толпой,
О, стыдись, стыдись, владыка неба,

Ты воспрянул – грозен и могуч, —
Чтоб отнять у нищих корку хлеба!
Царь царей, сверкай из темных туч,
Грянь в безумца огненной стрелою, —
Я стою, как равный, пред тобою
И, высоко голову подняв,
Говорю пред небом и землею,
Самодержец мира, ты не прав!»
Он умолк, и чудо совершилось:
Чтобы снять алмаз они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой венчанной до земли,
На коленях, кроткий и смиренный,
Пред толпою нищих царь вселенной,
Бог, великий бог лежал в пыли!

Эскизы

Легенда из Т. Тассо

Стальными латами одет,
Близ древних стен Иерусалима,
Как мощный лев, неустрашимо
Сражался доблестный Танкред.
Пред ним трепещут сарацины;
И поражая мусульман,
Мечом он гонит их дружины,
Как волны гонит ураган.
Уже рубцами вся покрыта
С крестом тяжелая броня,
И окровавлены копыта
Его могучего коня...
Как вдруг воитель незнакомый,
Наперевес копье подняв,
Отважным замыслом влекомый,
Вперед кидается стремглав.
С мольбой о помощи трикраты
Танкред Спасителя призвал
И сарацина шлем косматый
Железной палицей сорвал;
И что ж? рассыпалась кудрями,

Как златоструйными волнами,
Густая девичья коса,
Пред ослепленными очами
Открылась дивная краса,
Румянец отрочески нежный
И мрамор шеи белоснежной.
Клоринда, враг его жестокий,
Клоринду в ней он узнает,
Чье имя громко на Востоке, —
Неверных гордость и оплот.
Тяжелый меч, разить готовый,
Невольно рыцарь опустил.
И пред красавицей суровой
Благоговейно отступил.
Помочь Танкреду в бой кровавый
Из строя рыцарских дружин
Летит, исполнен жаждой славы,
Гюскарь, отважный палладин;
И над прелестной головою
С челом нежней эдемских роз
Он святотатственной рукою
Секиру тяжкую занес.
Но от смертельного удара
Танкред Клоринду защитил, —
Оружье пылкого Гюскара
Он, негодуя, раздробил.
Коснулось шеи лебединой
Оно слегка, — и кровь на ней,
Как драгоценные рубины,

Зарделась в золоте кудрей.

Он поднял мрачное забрало —
И благородно, и светло
Любовью чистою дышало
Его открытое чело.

.....

Скажи, Клоринда, что с тобою,
Зачем ты медлишь оттолкнуть
Гяура с гордою враждою?
Ужель под медною броней
Трепещет любящая грудь?
Но вот, потупив взор лазурный,
Молчанье строгое храня,
Ты понеслась, как вихорь бурный,
Пришпорив быстрого коня.
В лучах полуденных сверкает,
Как из огня, доспех на ней,
И ветер ласково играет
С волнами выющихся кудрей.

Не меч, не пролитая кровь, —
Ту битву грозную решила
Лишь красоты благая сила,
Миротворящая любовь.

Ноябрь 1882

Детям

Не под кровом золоченым
Величавого дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царского венца —
Ты в приюте позабытом
Вифлиемских пастухов
Родился – и наг, и беден, —
Царь бесчисленных миров.
Осторожно, как святыню,
В руки Мать его взяла,
Любовалась красотою
Безмятежного чела.
Ручки слабые Младенец
В грозно сумрачный простор
С беспредельною любовью
С лона Матери простер.
Все, что борется, страдает,
Все, что дышит и живет,
Он зовет в свои объятия,
К счастью вечному зовет.
И природа вострепелась,
Услыхав Его призыв,
И помчался ураганом
Бурной радости порыв.
Синева ночного неба

Стала глубже и темней,
И бесчисленные звезды
Засверкали ярче в ней;
Все цветы и все былинки
По долинам и лесам
Пробудились, воскурили
Благовонный фимиам.
Слаще музыка дубравы,
Что затронул ветерок,
И звучнее водопадом
Низвергается поток,
И роскошней покрывалом
Лег серебряный туман,
Вечный гимн запел стройнее
Безграничный океан.
Ликовала вся природа,
Величава и светла,
И к ногам Христа-Младенца
Все дары свои несла.
Близ пещеры три высоких,
Гордых дерева росли,
И, ветвями обнимаясь,
Вход заветный стерегли.
Ель зеленая, олива,
Пальма с пышною листвою —
Там стояли неразлучной
И могучею семьей.
И они, как вся природа,
Все земные существа,

Принести свой дар хотели
В знак святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу с гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листья:
«Коль злобой гонимый
Жестоких врагов,
В безбрежной равнине
Зыбучих песков,
Ты, Господи, будешь
Приюта искать,
Бездомным скитальцем
В пустынях блуждать,
Тебе я открою
Зеленый шатер,
Тебе я раскину
Цветочный ковер.
Приди Ты на отдых
Под мирную сень:
Там сумрак отрадный,
Там свежая тень».
Отягченная плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилася олива,
И промолвила она:
«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинут без пищи —

Мой дар Ты прими.
Я ветви радушно
Тебе протяну
И плод золотистый
На землю стряхну.
Я буду лелеять
И влагой питать,
И соком янтарным
Его наливать».

Между тем в унынье тихом,
Боязлива и скромна,
Ель зеленая стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтоб принести
В дар Младенцу-Иисусу
Не могла она найти;
Иглы острые, сухие,
Что отталкивают взор,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены в убор.
Стало грустно бедной ели;
Как у ивы над водой,
Ветви горестно поникли,
И прозрачною смолой
Слезы капают обильно
От стыда и тайных мук,
Между тем как всё ликует,
Улыбается вокруг.

Эти слезы увидала
С неба звездочка одна,
Тихим шепотом подругам
Что-то молвила она,
Вдруг посыпались – о чудо! —
Звезды огненным дождем,
Елку темную покрыли,
Всю усеяли кругом,
И она затрепетала,
Ветви гордо подняла,
Миру в первый раз явилась,
Ослепительно светла.

С той поры, доныне, дети,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно елку
В звезды яркие свечей.
Каждый год она сияет
В день великий торжества
И огнями возвещает
Светлый праздник Рождества.

Декабрь 1882

Из Горация
(II книга, XVIII ода)

Не блесит мой скромный дом
Золотыми потолками,
Нет слоновой кости в нем,
И над стройными столбами,
Что готовит богачам
Житель Африки далекой, —
Плиты мраморные там
Не покоятся высоко.
Мне в наследство не дадут
Твой чертог, о царь Азийский;
Мне рабыни не прядут
Нежный пурпур лаконийский.
Песен дар – вот мой удел,
А сокровище мне – лира;
С ней бедняк пленить сумел
Самодержцев полумира.
Здесь, в тиши сабинских нив,
Всем, что нужно, я владею,
И спокоен, и счастлив,
Больших благ просить не смею.
День за днем, за часом час
И за годом год уходит,
А безумец, суетясь,
Беспокойно жизнь проводит.
Неминуемый конец
Позабыв, прилежно строя
Пышный мраморный дворец, —
Он не ведает покоя.
Предприимчивости полн,

Побеждает он пучину,
Воздвигает против волн
Величавую плотину.
Он, корыстью ослеплен,
Не щадит межи соседней,
И жестоко хитит он
Бедняка кусок последний:
И, постигнутый бедой,
Унижением гонимый,
Тот бежит с детьми, с женой,
Покидает кров родимый.
А меж тем для всех людей
Нет вернейшего жилища,
Чем подземный мир теней,
Чем немая сень кладбища.
Где же цель людских трудов,
И на что мы тратим силы?
Властелинов и рабов
Не равно ли ждут могилы?
Даже мудрый Прометей
Обмануть не мог Харона;
Даже Тантала детей
Укрощает власть Плутона.
Смерть навек освободит
Угнетенного страдальца,
Успокоит, приютит
Утомленного скитальца.

«В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть...»

В царстве солнца и роз я мечтал отдохнуть,
Здесь дышала легко беззаботная грудь...
Вдруг неслышно мелькнул бледный призрак за мной, —
Он мне в очи глядел, он кивал головой.
Наклонившись ко мне, стал он тихо шептать:
«Я с тобою, мой друг, я с тобою опять!..
Мне, угрюмой тоске, обречен навсегда,
Ты не в силах бежать от меня никуда:
День и ночь по следам я гналась за тобой —
В небесах — облачком, в море — грозной волной;
Я — подруга твоя, — и в объятьях моих
Охраню я тебя от лобзаний чужих:
Я, как черная мгла, как дыхание бурь,
Омрачу небеса и морскую лазурь!»

1883

Пир *Отрывок*

...Кончался пир, и утро приближалось.
В хрустальной вазе тихо умирал

Букет цветов от знойного угара,
И зеркала тускнели в дымке пара.
Над бархатом корсета выступал
Упругий очерк груди обнаженной,
И локоны с головки наклоненной
Покрыли чашу, падая на дно,
Как золото, в пурпурное вино.
В одеждах дам виднелся шелк измятый;
На канделябрах пламень почернел;
И яркий сок разрезанной гранаты,
Как кровь, на белой скатерти алел.
Ворвалось утро меж портьер тяжелых
И брызнуло холодною струей
Над рядом лиц насильственно веселых,
Над жалкой смертью оргии ночной...
И веера под нежным пухом скрыли
Стыдливый мрамор голого плеча,
И мы рукой невольно заслонили
Усталый взор от бледного луча...

1884

Сон

Мне снилось – от резни чудовищного боя,
От крови, слез и мук бежал я в темный лес
Искать защиты и покоя
Под вечным куполом небес.

Здесь чудный полумрак таинственного храма,
Стволы уходят вдаль, как легкий ряд колонн,
Как сладким дымом фимиама,
Смолою воздух напоен.

И в говоре ветвей мне чудится порою
Благоговейный гул молящейся толпы,
И сыплют искры надо мною
Лучей широкие снопы...

Но вдруг в немой тени нарушил мир отрадный
И грозно прошумел могучий взмах крыла:
То ястреб – хищник кровожадный
Упал на жертву, как стрела.

Добычу он схватил железными когтями
И страшно медленно душил, и в тот же миг
Из дикой чащи под ветвями
Ко мне донесся чей-то крик.

И этот крик растет, от края и до края
Он наполняет мир тоскующей мольбой
И мчится к небу, замирая
В дали блестящей и пустой.

И ужасом тот крик мне душу потрясает.
А солнце между тем преступный темный лес
Невозмутимо озаряет

Лучами с праздничных небес.

Как храм, поруганный кровавым злодеяньем,
Безгрешной чистоты наружный вид храня,
О лес, торжественным молчаньем
Теперь ты страшен для меня!

Здесь, даже здесь, увы! нет мира и покоя:
Все та же предо мной и здесь, в глуши лесов —
Резня чудовищного боя
И злоба бешеных врагов!

1884

Предчувствие

Я знаю: грозный час великого крушенья
Сметет развалину веков —
Уродливую жизнь больного поколения
С ее расшатанных основ, —
И новая земля, и новые народы
Тогда увидят пред собой
Не тронутый никем, — один лишь мир природы
С его немеркнувшей красой.
Таков же, как теперь, он был, он есть и будет,
Он вечно юн, как Божество;
И ни одной черты никто в нем не осудит
И не изменит ничего.

Величественный зал для радостного пира,
Для пира будущих людей,
Он медлит празднеством любви, добра и мира
Лишь в ожидании гостей:
Разостланы ковры лугов необозримых;
На вековом граните гор
Покоится в лучах лампад неугасимых
Небес сапфировый шатер;
И тень из опахал из перьев тучек нежных
Дрожит на зеркале волны,
И блещет алебастр магнолий белоснежных,
И розы нектаром полны,
И это все – для них: все это лишь убранство
Для торжества грядущих дней,
Где трапезою – мир, чертогами – пространство
Земли и неба, и морей.
И вот зачем полна природа для поэта,
На лоне кроткой тишины,
Едва понятного, но сладкого обета
Неумирающей весны.
И вот зачем цветы кадят свое куренье
Во мгле росистых вечеров,
И вот о чем гремит серебряное пенье
Неумолкающих валов.

Искушение

Отрывок

Серебряной каймой очерчен лик Мадонны
В готическом окне, и радугой легло
Мерцание луны на малахит колонны
Сквозь разноцветное граненое стекло.
Алтарь и дремлющий орган, и купол дальний —
Погружены в таинственную мглу;
Лишь край мозаики в тени исповедальни
Лампаду отразил на мраморном полу.
Седой монах, перебирая четки,
Стоял задумчивый, внимательный и кроткий;
И юноша пред ним колена преклонил;
Потупив взор, он робко говорил:
«Отец мой, грех — везде со мною:
Он — в ласке горлиц под окном,
Он — в играх мошек над водою,
Он — в кипарисе молодом,
Обвитом свежеею лозою,
Он — в каждом шорохе ночном,
В словах молитв, в огне зарницы,
Он — между строк священных книг,
Он — в нежном пурпуре денницы
И в жгучей боли от вериг...
Порою череп брал я в руки,

Чтоб запах тленья и могил,
Чтоб холод смерти утолил
Мои недремлющие муки.
Но все напрасно: голова
В чаду кружилась, кровь кипела,
И греза на ухо мне пела
Безумно нежные слова...
Однажды – помню – я увидел,
Уснув в горах на склоне дня, —
Ту, что так страстно ненавидел,
Что так измучила меня.
Сверкало тело молодое,
Как пена в сумрачных волнах,
Все ослепительно нагое
В темно-каштановых кудрях.
Струились волны аромата...
Лежал недвижим я, как труп.
Улыбкой дерзких, влажных губ
Она звала меня куда-то,
Она звала меня с собой
Под полог ночи голубой:
«Отдашь ли мне ночное бдение,
Труды, молитвы, дни поста
И кровь распятого Христа,
Отдашь ли вечность и спасенье —
За поцелуй?..» И в тишине
Звучало вновь: «Отдашь ли мне?..»
Она смеялась надо мною,
Но брошен вдруг к ее ногам

Какой-то силой роковою,
Я простонал: «Отдам, отдам!..»
.....

1884

На Тарпейской скале

Ряды сенаторов, надменных стариков
С каймою пурпура на тоге,
И мрачный понтифекс в собрании жрецов
Стоят задумчивы и строги.
Кой-где центурион гарцует на коне,
И целым лесом копий медных
Когорты зыблются в чешуйчатой броне
Под грозный шум знамен победных;
И сонмом ликторов Марк Манлий окружен...
Но, мановеньем горделивым
Вниманья требуя, к толпе промолвил он
Перед зияющим обрывом:
«Прощай, родимая земля! в последний раз
Я шлю привет моей отчизне...
Не бойтесь, палачи: все кончено, — и вас
Молить не буду я о жизни.
Жить, разве стоит жить, когда — всемогущ мрак,
И вечно грудь полна боязни,
И душно, как в тюрьме, и всюду, что ни шаг, —
Насилья, трупы, кровь да казни...

Пришел и мой черед; но пусто и мертво
В потухшем сердце: вашей власти
В нем нечего казнить, — народ, возьми его,
Возьми и разорви на части!..»
Так Манлий говорил, и грустный долгий взор
Сквозь дымку полдня золотого
Он обратил туда, в сияющий простор,
На ленту Тибра голубого,
На солнце и луга, на волны и цветы...
Толпою резвою со свистом
Мелькнули ласточки с лазурной высоты,
Чтоб утонуть в эфире чистом;
Очами скорбными их Манлий проводил...
У ног его немой и дикий
Утес в расщелине любовно приютил
Цветок малиновой гвоздики;
И, все забыв, глядел страдалец на него —
Почти без мысли и сознания —
В минуту грозную, не помня ничего,
Ловил струю благоуханья...
Но палачи к нему приблизились в тот миг;
Он их отталкивает гордо
И к пропасти идет, спокоен и велик,
Идет бестрепетно и твердо, —
И ропот ужаса пронесся над толпой...
.....

Юбилей А. Н. Плещеева

Растет полночный мрак, и душит нас темница;
В цепях влачатся дни без веры, без надежд,
И над развенчанной поэзией глумится
Толпа бессмысленных невежд...
Но в этой мертвой мгле высоко перед нами
Под серебристыми кудрями
Твой благородный лик так ярко озарен,
Так кротко светится последними лучами
Иных прекраснейших времен.
Ты дорог нам за то, что не одним лишь словом,
Но всей душой своей, всей жизнью ты поэт,
И в эти шестьдесят тяжелых долгих лет —
В глухом изгнании, в бою, в труде суровом —
Ты чистым пламенем повсюду был согрет.
Но знаешь ли, поэт, кому ты всех дороже,
Кто горячее всех привет тебе пошлет?
Ты лучший друг для нас, для русской молодежи,
Для тех, кого ты звал: «Вперед, вперед!»
Своей пленительной глубокой добротою,
Как патриарх, в семью ты нас объединял, —
И вот за что тебя мы любим всей душою,
И вот за что теперь мы подняли бокал!

Альбатрос

(Из Бодлэра)

Во время плаванья, когда толпе матросов
Случается поймать над бездною морей
Огромных белых птиц, могучих альбатросов,
Беспечных спутников отважных кораблей, —

На доски их кладут: и вот, изнемогая,
Труслив и неуклюж, как два больших весла,
Влачит недавний царь заоблачного края
По грязной палубе два трепетных крыла.

Лазури гордый сын, что бури обгоняет,
Он стал уродливым и жалким, и смешным,
Зажженной трубкою матрос его пугает
И дразнит с хохотом, прикинувшись хромым.

Поэт, как альбатрос, отважно, без усилия,
Пока он – в небесах, витает в бурной мгле;
Но исполинские, невидимые крылья
В толпе ему ходить мешают по земле.

«Там, в глубине задумчивой долины...»

Там, в глубине задумчивой долины,
Когда вечерний мрак струился надо мной
И кленов темные вершины,
Полны таинственной кручины,
Шумели трепетной листвою,
На камне гробовом прочел я эти строки:
«Невозмутим мой сон глубокий
Под этой тенью вековой».
И я задумался в немом уединенье:
Усопший брат, ты мне напомнил о себе,
Твой сон, твой вечный сон я понял на мгновенье
И смерть благословил, завидуя тебе...
И долго я стоял, и клены уронили
Увядавшие листья, как слезы, надо мной,
И старые дубы качали головой
И тихо, тихо говорили:
«Как сладко дремлет в могиле
Под нашей тенью вековой...»

Изображение на щите Ахиллеса

(Отрывок)

На взморье голубом, как спящие дельфины,
Качают корабли изогнутые спины.
Под звуки нежных флейт в блестящий храм ведут
Телицу белую, венчанную цветами;
И старцы кроткие, любимые богами,
В свободном агора свершают мирный суд.
В толпе кудрявых дев, волнистый лен мотая,
У светлых очагов шумят веретена,
И юноши поют, в точиле выжимая
Из гроздий наливных багряный сок вина.
И дискос, брошенный искусною рукою,
В палестре мраморной на плитах прозвенел;
И в мягком воздухе божественной красою
Сверкают мускулы нагих, могучих тел.

.....

1885

Смерть Клитемнестры

*По закону родовой мести Орест и Электра,
дети Клитемнестры, должны убить свою мать,
чтобы отомстить за своего отца Агамемнона,*

*умерщвленного Клитемнестрой.
(Мотив из Эврипида)*

Хор

Вот оно, роковое возмездие:
Налетит ураган, пошатнется чертог!
Ты погиб, Агамемнон, мой царь —
В тихий сладостный час омовения
Там, под мраморным сводом дворца...
Не своей ли рукой, Клитемнестра-изменница,
Занесла ты секиру преступную
Над безвинным супругом твоим,
Возвращенным под стены Микенские.
Ты свершила над жертвою
Злодеянье кровавое!

Клитемнестра *(из глубины дома)*

О сжальтесь, дети, сжальтесь вы над матерью!..

Хор

Зловещий крик!

Клитемнестра

О горе, горе мне!

Хор

Погибнешь ты от рук детей своих:
Ужасны боги в гневе праведном,
И ты заплатишь мукой смертною
За смертный час тобой убитого.
Идут, идут они из дома скорбного,
Обрызганы горячей кровью матери.
Нет в мире горя – больше горя вашего,
Многострадальные потомки Тантала!

Электра

Плачь, брат мой, плачь! во всем моя вина:
С какою злобой надругалась я
Над беззащитной матерью!
Убитая, несчастная,
Так вот чего дождалась ты
От нас, от рук детей своих,
Так вот, чего он требовал,
Закон возмездья праведный!

Орест

Жестокий Бог, свершилось то,
Чего вовеки не было,
О чем подумать страшно мне:
Одним дыханием
Ты стер с лица земли

Весь род наш царственный.
О кто же, кто мне даст убежище,
Кто взглянет мне в лицо, убийце матери,
Без ужаса, без трепета?..

Электра

Увы, мой брат, куда бежать,
Куда склонить нам голову?
Войдем ли мы на светлый пир, —
Толпа гостей бежит от нас,
Войдем ли мы под мирный кров, —
Внесем с собой проклятие!

Орест

Еще за миг с безумной яростью
Сама меня толкала ты
На это дело мрачное, —
И вот теперь рыдаешь в ужасе!
Смотри, несчастная,
Смотри, как мать твоя,
Пред нами падая,
С груди одежды рвет...
О тяжело, тяжело мне! Сестра, ты помнишь ли,
Как эти члены жалкие, бессильные,
Дрожа, влачились по земле у ног моих?
Меня душили слезы жгучие;
Она ланит моих

Коснулась пальцами холодными,
И тихим голосом
Родная молвила:
«О сын, мой милый сын!»
И обвила мне шею ласково,
И выпал меч из рук моих.
Закрыв глаза, набросив плащ на голову,
Я вновь схватил оружие,
Потом мне только помнится,
Как под рукой неверною
Клинок вонзался медленно
Во что-то трепетное, нежное...
Сестра, сестра, то было тело матери!

Электра

Тебе шептала я,
Чтоб ты скорей кончал,
И твой дрожащий меч
Сама направила,
Сама рукой своей!

Орест

Молчи, молчи... Нет больше сил
Внимать напрасным жалобам.
Возьмем же труп страдальцы,
Вскормившей нас, убийц своих,
Чтобы кровь из ран зияющих

Омыть слезами жгучими...
Так вот, чего он требовал,
Закон возмездья праведный!

1885

Смерть Надсона
*(читано на литературном
вечере в память С. Я. Надсона)*

Поэты на Руси не любят долго жить:
Они проносятся мгновенным метеором,
Они торопятся свой факел потушить,
Подавленные тьмой, и рабством, и позором.
Их участь – умирать в отчаянье немом,
Им гибнуть суждено, едва они блеснули,
От злобной клеветы, изменнической пули
Или в изгнании глухом.

И вот еще один, – его до боли жалко:
Он страстно жить хотел и умер в двадцать лет.
Как ранняя звезда, как нежная фиалка,
Угас наш мученик-поэт!
Свободы он молил, живой в гробу метался,
И все мы видели – как будто тень легла
На мрамор бледного, прекрасного чела;
В нем медленный недуг горел и разгорался,

И смерть он призывал – и смерть к нему пришла.
Кто виноват? К чему обманывать друг друга!
Мы, виноваты – мы. Зачем не сберегли
Певца для родины, когда еще могли
Спасти его от страшного недуга.
Мы все, на торжество пришедшие сюда,
Чтобы почтить талант обычную слезою, —
В те дни, когда он гас, измученный борьбою,
И жаждал знания, свободы и труда,
И нас на помощь звал с безумною тоскою,
Друзья, поклонники, где были мы тогда?..
Бесцельный шум газет и славы голос вещей, —
Теперь, когда он мертв, – и поздний лавр певца,
И жалкие цветы могильного венца —
Как это все полно иронии зловещей!..

Поймите же, друзья, он не услышит нас:
В гробу, в немом гробу он спит теперь глубоко,
И между тем как здесь все нежит слух и глаз,
И льется музыка, и блещет яркий газ, —
На тихом кладбище он дремлет одиноко
В глухой, полночный час...
Уста его навек сомкнулись без ответа...
Страдальческая тень погибшего поэта,
Прости, прости!..

На даче

Шумит июльский дождь из тучи грозовой
И сеткой радужной на ярком солнце блещет,
И дачницы бегут испуганной толпой,
И летних зонтиков пурпурный шелк трепещет
Над нивой золотой...

А там, меж бледных ив с дрожащими листьями,
Виднеется кумач узорного платка, —
То бабы весело с разутыми ногами
Теснятся на плоту; и звучного валька
Удары по белью над ясными волнами
Разносит далеко пустынная река...

1887

Символы (Песни и поэмы)

*Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis...*
(Goethe. «Faust», II Teile).⁴

*...И став Павел среди Ареопага, сказал: «Мужи
Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы.
Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я
нашел жертвенник, на котором написано:
Неведомому Богу. Сего-то, которого вы, не зная,
читите, я проповедую вам».*
(Деяния Апостолов. XVII, 22, 23).

Бог

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мне грозят, —
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...

⁴ Все проходящее Есть только Символ... (Гете. «Фауст», II часть)

Везде я чувствую, везде
Тебя, Господь, – в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал – и не знал;
Еще не верил, но, любя,
Пока рассудком отрицал, —
Я сердцем чувствовал Тебя.
И ты открылся мне: Ты – мир.
Ты – всё. Ты – небо и вода,
Ты – голос бури, Ты – эфир,
Ты – мысль поэта, Ты – звезда...
Пока живу – Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру – с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей;
Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала,
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю!..

Смерть

(Петербургская поэма)

Первая песнь

I

Анакреон подняв свой кубок,
Склонив на грудь румяный лик,
Бывало пел любовь голубок,
Венчанный розами старик.
И ты в приюте муз и граций,
Беспечно дни провел, Гораций:
Певцы, не ведая забот,
Свой мед, как пчелы, собирали.
И был отраден их восход,
Закат блаженный – без печали.
Так жил, вдали от всех тревог,
Художник древности, как бог.

II

Бывало, в мирном кабинете,
И наши лирики могли
Хвалить, забыв про все на свете,
Красоты неба и земли...
Теперь совсем иное время:
Поэтов ветреное племя
Железный век поработил
Царит над нами муза гнева,
И стих унылый сердцу мил.
Веселья прежнего напева,
Друзья, не требуйте от нас...
Но с Богом в путь: начну рассказ...

III

Наш город скучный и холодный
В стихах задумчивых пою,
Наш Север мрачный и бесплодный
Отчизну бедную мою.
В огромном Невском и Литейной,
В их красоте прямолинейной,
В Неве, закованной в гранит, —
Есть дух суровый. Город бедный,
Не даром над тобой царит
На глыбе камня Всадник Медный:
Ты полон страха и тоски —
Под грозным манием руки

IV

Петровой! В городе туманном,
В громадах улиц – мысль одна,
Как луч в кристалле многогранном,
Кругом везде отражена,
В холодном бледном небосводе,
И в этой северной природе
Таится кроткая печаль:
Когда гляжу на мрачный Невский,
На отуманенную даль, —
Твоих героев, Достоевский,
Припоминаю. Русский дух
И здесь, быть может, не потух.

V

И здесь не дремлет в людях совесть,
И здесь на лицах молодых
Я иногда читаю повесть
Страданий гордых и немых.
Люблю смотреть, как негодует
Нева, лишь с запада подует
Могучий ветер. Синий лед

Лучами теплыми расколот;
К морям волна его несет...
Зато зимой в столице – холод,
И неподвижна, и мертва
Под снежным саваном Нева...

VI

Был час, когда сквозь дым душистый
Сигар, меж фруктов, на столе,
Под лампой блещет золотистый
Ликер в граненом хрустале,
Когда, минут не тратя даром,
Сидит за третьим самоваром
Чиновник бедный на Песках,
Зовет соперников для винта
Хозяин с картами в руках,
Когда в проходах лабиринта
У мрачных театральных касс
Шумит толпа и блещет газ.

VII

А за Невою, сном объятый,
Огромный ряд домов почил;

На крышах снег голубоватый
Холодный месяц озарил.
И он печальным, робким взором
Сквозь окна с ледяным узором
В большую комнату проник,
И бледный луч упал на стклянки,
На груды атласов и книг,
На микроскоп, реторты, банки...
И романтическая луна
Глядит на все, удивлена:

VIII

Не лепестки цветущих лилий,
Не розы, – тихий, лунный свет
Посеребрил под слоем пыли
Анатомический скелет.
Сидит хозяин в креслах. Рядом
С лицом румяным, с умным взглядом
Холодных глаз – веселый гость.
Он зажигает папиросу
И говорит: «Послушай, злость
Бесцельна. Глупому вопросу
Ты придаешь трагизм. Поверь,
Гони природу нашу в дверь —

IX

Она в окно войдет. Мой милый,
Ты жил в ученой келье, страх
Пред миром чувствуя, унылый
И нелюдимый, как монах.
Но первый пыл девичьей ласки,
Лукавый смех, живые глазки, —
И как Борис мой ни умен,
Он – слеп, он потерял рассудок,
Готовь, Бог весть в кого – влюблен,
Писать в гирлянде незабудок,
В альбоме, полном чепухи,
Сентиментальные стихи!

X

Отдайся чувствам мимолетным,
Пока не поздно, и живи
Эпикурейцем беззаботным,
Как я, не ведая любви,
Меняя женщин для забавы:
Они – капризны и лукавы.
Слегка внимательно ко всем,
Пусть сердце, прихоти послушно,

Для них не жертвуя ничем,
Им изменяет равнодушно:
Тогда, без тягостных оков,
Ты будешь весел и здоров!...»

XI

Но наш герой с улыбкой грустной
Сказал товарищу в ответ:
«В делах любви – ты врач искусный,
Я принимаю твой совет.
Со мною делай что угодно!..
О, только б вновь дышать свободно.
И быть здоровым!.. Сознаю,
Что страсть комична и нелепа,
Стыжусь, и все-таки люблю,
Я против логики и слепо,
Не знаю, сам за что!...» Он встал
И гневом взор его блистал.

XII

«Нет, власть любви должна наука
В сердцах людей искоренить!..
Когда б ты знал, какая мука

Быть вечно в рабств: погубить
Нас может первая девчонка...
В руках неопытных ребенка —
Судьба моя!.. О, сколько раз,
Когда мне знание открывало
Свой мир в полночный, тихий час,
И пламя спирта согревало
Стекло звенящее реторт, —
Я был так радостен и горд!

XIII

Меж книг и банок запыленных,
В лаборатории – один,
Стихий, умом порабощенных,
Я был в то время властелин.
Теперь – я раб! Какая сила
Мой ум и волю победила?
Любовь!.. От предков дикарей
Я получил ее в наследство, —
Для размножения людей
Природы выгодное средство...
Слепая, глупая любовь!..»
Но гость его утешил вновь:

XIV

«Исполни мой совет разумный.
С тобою вместе проведем
Мы эту ночь»... В Орфеум шумный
Они поехали вдвоем,
Пока вдоль сумрачной Фонтанки
Влачатся медленные санки,
И в блеске звезд глубок и тих,
Над ними неба синий полог, —
Позвольте вам представить их:
Борис Каменский – физиолог,
Веселый друг его – Петров —
Один из модных докторов,

XV

Печально люстры в душном зале
Кутил полночных сквозь туман
И лица женщин озаряли
Под слоем пудры и румян...
Табачный дым и запах пива...
Мелькают слуги торопливо;
Скучая, медленно вокруг
Гуляют пары. Здесь не редки

Скандалы... Монотонный звук
Какой-то глупой шансонетки,
Разгул и смех... Порой бокал
В азарте пьяный разбивал.

XVI

Стыдливый мальчик, тих и робок,
Сюда идет в шестнадцать лет,
В чаду вина, под звуки пробок
Он узнает любовь и свет.
Сюда идет старик почтенный,
Под ношей долгих лет согбенный...
Петров наш весел и умен,
Как на пиру горацианском.
Его приятель возмущен:
Не много прелести в шампанском
Он находил. Покинув зал,
На вольный воздух он бежал.

XVII

Нет! Идеал эпикурейский
Его тоски не победить:
Забыв о пошлости житейской,

Он в небо вечное глядит.
Там, в синеве морозной ночи,
Мерцают звезд живые очи...
Хотя насмешливо он звал
Свою любовь сентиментальной,
Все ж имя Ольги повторял
С улыбкой нежной и печальной;
Как робкой девушки мечта,
Была любовь его чиста.

XVIII

Познания жаждою томимый,
Читал он с детства груды книг,
Позитивист неумолимый,
Огюста Конта ученик,
Старался быть вполне свободным
От чувств, научным и холодным.
Как равнодушно он внимал
Людскому ропоту и стонам!
Порывы сердца подчинял
Математическим законам.
Пред ним весь мир был мертв и нем,
Как ряд бездушных теорем

XIX

В неуловимых переходах
Мы подражаем без труда
Европе в галстуках и модах,
И даже в мыслях иногда:
Боготворим чужое мнение,
И, в благородном увлеченье,
Не отделив от правды ложь,
Мы верим выводам заранее,
Так в наше время молодежь
Пленяет Спенсер. Англичане
Над нею властвуют: закон
Твоя наука, Альбион!

XX

Наш юный друг – в стремленьях вечных,
В живых созданиях веков,
В порывах духа бесконечных —
Самонадеян и суров —
Старался видеть только бредни
Пустых мечтателей: последний
Он вывод знания принимал.
От всех покровов и загадок

Природу смело обнажал,
Смотрел на мировой порядок
В одну из самых мрачных призм —
Сквозь безнадежный фатализм.

XXI

Меж тем в очах его не даром
Порою вспыхивала страсть:
Напрасно, полн сердечным жаром,
Он отрицал над нами власть
Того, что ум понять не может,
Что сердце мучить и тревожить,
Он знал поэтов, говорил,
Что их читает от безделья,
А втайне искренне любил;
И много милого веселья,
И много нежной доброты
Таили гордые черты.

XXII

Есть домик бедный и старинный
На Петербургской стороне —
Дворец Петра. Теперь, пустынный,

Он дремлет в грустной тишине.
Там образ Спаса чудотворный:
Лик Византийский, – древний, черный...
Тарелку с деньгами дьячок
В часовне держит. Поп усталый
Поет молебны – старичок
Седой, под ризой обветшалою.
Огни таинственных лампад
И свечи яркие горят...

XXIII

Полно страданья неземного,
Чело Христа еще темней —
Среди оклада золотого,
Среди блистающих камней, —
Остался Он таким же строгим,
Простым и бедным, и убогим.
Мужик, и дама в соболях,
И баба с Охты отдаленной
Здесь рядом молятся. В очах
У многих слезы. Благовонный
Струится ладан. Лик Христа
Лобзают грешные уста.

XXIV

Под длинной, черною вуалью
В толпе, прекрасна и бледна,
Стояла девушка, печалью
И умилением полна.
Покорно сложенные руки,
Еще слеза недавней муки
В очах смиренных... взор глубокий,
И просты темные одежды,
Кидают тень на мрамор щек
Ее опущенные вежды.
И пред иконой золотой
Она склоняется с мольбой.

XXV

Пока Борись, в тоске мятежной,
Пытался тщетно позабыть
Свою любовь и первый, нежный
Ее росток в душе убить,
Чтоб как-нибудь насмешкой злобной
От этой страсти неудобной
Освободиться поскорей,
Ей не пожертвовав ученой

Карьерой будущей своей, —
В то время Ольга пред иконой
В толпе молилась за него;
И, зная друга своего,

XXVI

Предвидела борьбу, мученья
И много жертв, и много слезь...
Полна глубокого смиренья,
Она пришла к тебе, Христос,
Чтоб укрепить свой дух молитвой
Пред этим подвигом и битвой:
Ее на труд благослови!
Она у грозного преддверья
Своей безрадостной любви,
Страданья ждет, полна доверья,
И только молит силы дать
Его любить и с ним страдать...

XXVII

Но я уж слышу, критик строгий,
Твой недоверчивый вопрос:
Зачем, свернув с прямой дороги,

В свою поэму автор внес
Нежданно стиль религиозный?
О, наших муз диктатор грозный,
Ты хмуришь брови. Милый друг,
И я, как ты, в сомненьях грешен,
Я разделяю твой недуг,
И я безверьем не утешен,
Богов неведомых ищу
И верить в старых не хочу.

XXVIII

Как ты, я шел в огонь сражений
За мыслью гордою вослед.
Познал всю горечь поражений
И все величие побудь!
Как ты, я маски ненавижу...
Но тех презреньем не унижу,
Кто верить с доской простотой...
Свою скептическую шутку
Оставь, читатель дорогой,
И будь добрее к предрассудку,
Чуждая слабости пойми:
Не смейся, брат мой, над людьми!

XXIX

О, я завидую глубоко
Тому, кто верить всей душой:
Не так в нем сердце одиноко,
Не так измучено тоской
Пред неизбежной тайной смерти:
Друзья, кто может верить, верьте!..
Нет, не стыдитесь ваших слез,
Святых молитв и откровений:
Кто бремя жизни с верой нес,
Тот счастлив был среди мучений.
А мы... во всех дарах земли
Как мало счастья мы нашли!

XXX

Жила у тетки старой Оля.
Их дом – над царственной Невой.
Там – скука, роскошь и неволя,
И вечный холод ледяной.
Там тетка – в платьях черных, длинных,
В покоях важных и пустынных.
Пред нею – в страхе целый дом.
Но с умиленными очами

И бледным, набожным лицом
Неслышно тихими шагами
По мрачным комнатам весь день
Старуха бродит, словно тень.

XXXI

Едва услышит имя Бога,
Подымет взор свой, полный слезь...
Она курила очень много
Душистых, тонких пахитос:
Редсток любил ее, конечно.
Всегда жалея бесконечно
Овец заблудших и слепых,
В своих палатах в воскресенье
Она устроила для них
Душеспасительное чтение;
И чай носил в кругу гостей
Во фраке сумрачный лакей.

XXXII

И томно тетушка вздыхала.
Каких-то светских дураков
И старых дев она собирала

Для этих модных вечеров;
Но до меня дошли известья:
У тетки два больших поместья.
Она в имении родном,
Полна глубокого искусства,
Была практическим дельцом, —
Забыв евангельские чувства;
И обирала мужика
Порой не хуже кулака.

XXXIII

Отвергнув ложные мечтанья,
Ценила в подданных своих
Консервативные преданья
Времен блаженных, крепостных.
Но становилась либеральней,
Вернувшись из деревни дальней.
Порой умела тонко льстить
И обладала редким даром
Особам важным угодить
Филантропическим базаром.
Но ты, читатель, видел сам
В столице много этих дам.

XXXIV

Казалась Оленька послушной,
Немного скрытной иногда;
В красе холодной, равнодушной
В лице спокойном – ни следа
Мучений тайных и стыдливых.
Беседам лиц благочестивых
Она, головку наклонив,
Внимать с улыбкой безответной
Привыкла, злобу затаив.
Ей носит книги – плод запретный —
Угрюмый гимназист-кузен
В ее печальный, душный плен.

XXXV

Она их с жадностью читала
В своей постели по ночам,
Она молилась и мечтала
Идти в деревню к беднякам.
И, что с ней будет там – неясно,
Темно и все-таки прекрасно.
Великодушные мечты,
Вы так младенчески наивны

И все же полны красоты!
Она тоскует: ей противны
Весь этот мир холодной лжи, —
Великосветские ханжи...

XXXVI

Но завтра Ольга встанет рано, —
И снова английский урок,
Унылый lunch⁵, и фортепьяно,
И Летний сад. Враждебный рок
Стесняет в узкие границы,
О, дивы северной столицы,
Всю вашу жизнь!.. Холодный свет
Увидит Ольгу безмятежной,
Опять затянутой в корсет,
Чай разливающей небрежно
В прозрачный, матовый фарфор
Гостям, под легкий разговор.

XXXVII

«Красива, но горда без меры», —
О ней девицы говорят,

⁵ Ланч, обед (англ.).

Находят мертвым кавалеры
Ее очей глубокий взгляд
Она, бесчувственной и строже
Кумира мраморного, в ложе
Внимает Фигнеру порой.
Ах, если б знали, сколько боли
Под этой гордой красотой
Таится в бедном сердце Оли,
Как ненавидит, гордый свет,
Она твой мертвый этикет!..

XXXVIII

Мгновенья отдыха так сладки:
У Ольги есть знакомый дом.
Одной столичной меценатки
С изящным вкусом и умом —
Салон немного эксцентричный,
Своеобразный, но приличный;
В нем – хаотический музей
Профессоров неинтересных,
И государственных мужей,
И литераторов известных,
И светских женщин, и актрис:
Там с Ольгой встретился Борис.

XXXIX

Любимец солнца, житель юга,
Тебе привычная весна
Мила, как старая подруга
Или законная жена.
А мы... минуты неги краткой,
Как у любовницы, украдкой
Спешим похитить у весны!..
Нам полдень заменяют свечи,
И мы шесть месяцев должны
Топить усердно наши печи.
И вдруг – лучи, тепло, лазурь,
И дождь, и гром весенних бурь!..

XL

О, только мы благоговеем
Пред каждой почкою лесной,
О, только мы ценить умеем
Лучи Авроры золотой!
На шумной улице столичной,
Прислонена к стене кирпичной,
Листвой пахучею шумит
Березка северная! Боже,

Ведь этот листик, что дрожит
Под ветром пыльным, нам дороже,
Чем все лавровые леса
И стран далеких чудеса!

ХLI

Уж в рощи прилетели птицы,
Зазеленели острова;
Из ледяной своей темницы
Освобожденная Нева
На солнце блещет!.. Франт веселый,
Найдя, что душен мех тяжелый,
В ломбарде шубу заложил
И, моды ветреный любовник,
Костюм весенний обновил;
Но ходит опытный чиновник,
Не веря небесам родным,
В калошах, с зонтиком большим.

ХLII

И даже ты улыбкой неба,
Лучом божественным согрет,
О, пасынок угрюмый Феба,

Пессимистический поэт!
Уже по Неве на пароходе,
Хотя б в елагинской природе
Взглянуть на первый вешний лист
Поехал и кассир из банка,
И офицер, и гимназист,
И в старой шляпке гувернантка:
Стремятся все поближе к ней,
К богине песен и лучей —

XLIII

К Весне!.. Тогда на «Стрелку» тайно
С подругой едет Ольга. Ждет
Ее Борис. Как бы случайно,
Они встречаются, и вот,
Назло благочестивой тетке,
Одни поехали на лодке...
Одни!.. Как сердце в ней дрожит
От чувства нового свободы,
Как дорог Ольге бедный вид
Родимой северной природы:
На взморье — Лахта, корабли,
Кронштадт, дымящийся вдали,

XLIV

На горизонте – пароходы,
Тростник, желтеющая мель
Сквозь бледно-голубые воды,
А на Крестовском мох да ель
И сосен пни в болоте плоском...
Чрез воды слабым отголоском
Летят удары молотка
И чей-то крик с далекой топи,
И взмахи весел рыбака:
От этих звуков в небосклоне,
В лесах и водах – тишина
Еще яснее... Чуть волна

XLV

Плеснет... Полетом быстрой птицы
Встревожен воздух, и суров,
Как шум прибоя, гул столицы,
Вечерний звон колоколов...
А там, вдали – Елагин узкий,
Где – смехе и разговор французский
И в бледном небе – силуэт
Ограды с тонкими столбами,

Ряды колясок и карет
На солнце блещут фонарями.
Их лодка, веслами шурша,
Скользить по стеблям камыша...

XLVI, XLVII

Он говорил: «Мой друг, отлично
Я понял женщин: в них всегда
К тому, что ясно и логично,
Непримиримая вражда!
Не факт, не опытное знание —
Для них незыблемо преданье
И увлекательный обман:
Им нужно тайн!.. Дороже света —
Метафизический туман!
Но спорю тщетно; без ответа,
Вы, веру прежнюю храня,
Молчите, слушан меня!»

XLVIII

Она промолвила стыдливо:
«Простите, споров я боюсь!
И чем страдаю молчаливо,

Чему я сердцем отдаюсь, —
О том я говорить не смею,
Стыжусь и как-то не умею...
Вы побеждаете мой ум,
Не победив сердечной муки
И жажды вперить»... Он угрюм
И злобен: «предпочесть науке —
Нелепость, сказки дикарей,
Заветы тетушки своей!..»

XLIX

Она в ответе: «Как вы неправы!
Да разве жизнь моя — не ад?..
О, эти речи, эти нравы,
Благочестивый маскарад!
У них в душе — ни капли веры,
Они — лгуны и лицемеры!..
Для них религия — ступень
К чинам, к богатству!.. Я их вижу
И знаю, мучусь каждый день...
Я больше вас их ненавижу!..» —
Чему ж вы верите?..» — «Чему?..
Я верю сердцу моему!

L

Когда я в небо голубое
Смотрю с доверием как сейчас, —
Я знаю — что-то есть родное
И что-то любящее нас.
Я верю с простотой, как дети, —
Мы не совсем одни на свете:
Молитвы наши долетят
К тому, кто сострадает горю!..
Вот — все. А догматы, обряд..
Мне все равно, о них не спору:
О, друг мой, жалки все слова, —
Не мысль, любовь моя права!

Л

Того, что мне во мраке светит,
Не отнимай, не прекословь:
Я знаю, — кто-то мы ответит
Любовью на мою любовь...
Я знаю, — кто-то в мире слышит,
Как сердце бьется, травка дышит...
Он — там, в далеких небесах,
Он — здесь и на земле, меж нами,

В моей любви, в моих очах,
Моими грешными устами
С тобой Он говорит теперь:
«Будь проще, полюби, поверь!»»

LI

И очи, полные слезами,
Горят, и все, чего она
Не может выразить словами,
Договорила тишина.
Скользить их медленная лодка...
И вопросительно, и кротко —
Молчанье неба и земли.
Заря, тростник над влагой спящей,
Волна, плеснувшая вдали,
И первый луч звезды дрожащей —
Все шепчет нежные слова:
«Будь проще, верь, — она права!»»

LII

И Ольга, взяв тихонько руку
Бориса, ждать... Но тщетно: скрыв
В своей душе любовь и муку,

Он не ответит на призыв...
И вместо счастья – в сердце злоба.
О, как они страдали оба!
Великой, детской веры пыль
Он только мыслью гордой мерил,
Он сердца сердцу не открыл,
Не полюбил и не поверил.
Тот миг умчался без следа:
Он не вернется никогда.

Песнь вторая

I

О Смерть, тебя пою! Ликует
Мучитель слабых; бич – в руках.
А жертва плачет и тоскует:
И люди мнят: на небесах —
Возмездья нет. Но ты предстанешь,
Освободительница, взглянешь
Ты в час возмездья роковой
Злодею в очи строгим взором, —
И как он жалок пред тобой,
Как полон страхом и позором!

.....

II

.....
Пусть тлеет, что достойно тленья!
От твоего прикосновенья
Народы, как цветы долин
Под вихрем снежным, увядают;
Но вечно молод дух один:
Когда все листья опадают,
Зеленый лавр еще свежей —
В холодном блеске зимних дней!

III

Блажен, кто смерть улыбкой встретит,
Как воин – доблестную брань,
Кто на призыв ее ответит,
Подав ей дружескую длань.
Так, выпив яд, учитель строгий,
Сократ, без горя и тревоги,
Благословив учеников,
Одежду на главу накинул
С последним звуком мудрых слов,
И мир наш радостно покинул,
И для него была светлый

И легче смерть, чем сон детей...

IV

Но мы – без веры в человека,
Без веры в Бога мудрецы,
Вполне практического века
Благоразумные дельцы, —
С каким лицом, с какой душою
Пред неподкупным Судиею
Предстанем мы? Иль, как роса,
Исчезнет весь наш род мгновенный, —
Лишь ты взойдешь на небеса,
О солнце правды, Бог вселенной...
И проклянет наш поздний внук
Сей век насилья, полный мук.

V

А ты, слепой законодатель
Литературных, пошлых мод,
Всегда насмешливый читатель,
Ты чужд сомнений и забот:
О смерти думать – вот охота!..
Ты полон мелкого расчета,

Ты полон глупой суеты.
Но мы должны о тьме могильной,
Чтоб, наконец, проснулся ты,
Напоминать тебе насильно,
Пока для правды не утих
В устах певца свободный стих!

VI

Нам смерть, как в тучах – проблеск неба,
Издалека приносить весть,
Что, кроме денег, кроме хлеба,
Иное в мире что-то есть.
Когда б не грозная могила,
Как самовластно бы царила
Несправедливость без конца,
Насилье, рабство и гордыня,
Как зачерствели бы сердца!..
Тебе, о грозная богиня,
Тебе несу к подножью ног
Сплетенный музою венок!

VII

Вернемся к повести. Все лето

В деревне Ольга провела.
В глуши лесов, вдали от света
Любовь печальная росла
И крепла. Ей Борис сначала
Писал; потом не получала
Она ни строчки и от мук,
От слез едва не заболела;
Вернулась в Петербург... и вдруг —
Письмо!.. Взяла его несмело,
Решиться долго не могла
Порвать конверт... Потом прочла:

VIII

«Простите мне мое молчанье.
Не мало дней прошло с тех пор,
Как в длинных письмах о свиданье
Я вел беспечный разговор.
Все изменилось: я был болен...
Никто в судьбе своей не волен.
Я жалких слов не выношу
И ненавижу стиль любовный, —
Все ж именем любви прошу,
Прошу вас – будьте хладнокровны!
Расстаться мы должны навек:
Вам пишет мертвый человек.

IX

Люблю вас, но мой ум, как прежде,
Правдив, логичен и суров:
Не верю никакой надежде
И знаю лучше докторов,
Что смерть – недалеко. Спокойно
Я жду, и, право, недостойно —
Себя обманывать: к чему?
Смиренье облегчает муки,
Я верю знанию моему
И, предан до конца науке,
Умру я в мирной тишине:
Не приходите же ко мне.

X

Не нужно. Меньше я страдаю
В уединенье. С жизнью связь
Порвав, я тихо умираю,
От всех надежд освободясь.
Что делать? Оба мы – несчастны!
Но утешения напрасны.
Спокойных, одиноких мук
Не увеличивайте бремя.

Как я, смиритесь: ваш недуг
Излечит молодость и время,
Любовь исчезнет без следа.
Прощайте, Ольга, навсегда».

XI

Рецепты, стеклянки из аптеки,
Под лампой ряд забытых книг...
Больной с усилием поднял веки;
Его усталый, бледный лик
Хранил печальную суровость.
Газетную, пустую новость
Ему рассказывал Петров,
Беспечный друг. Врачу неловко:
Он сам так весел и здоров.
С обычной докторской уловкой,
Приняв интимный, важный вид,
О пустяках он говорить.

XII

Но этот смех, но взор холодный,
Невозмутимое лицо,
И даже брюки, галстук модный,

На пальце розовом кольцо
Борис глубоко ненавидел,
Как будто в первый раз увидел
И понял друга своего.
Он, отвращения не скрывая,
Смотрел угрюмо на него.
Петров пощупал пульс, вставая:
«Ну, до свиданья, милый мой».
Тогда не выдержал больной:

XIII

«Я умереть хочу спокойно!
Мне надоела болтовня...
Игрой в участие недостойной
Зачем вы мучите меня?..»
Больного взор жесток и светел.
Но умный доктор не ответил:
Скорей в прихожую спешит,
Прервав неловкую беседу.
«Давно пора мне на визит...
Я завтра вечером заеду».
И, подавив притворный вздох,
Шепнул прислуге: «Очень плох».

XIV

Безмолвье комнату объемлет,
И близкие предметы вдаль
Уходят. За стеной – он внемлет —
Порой чуть слышится рояль.
Как странны, чужды эти звуки!..
Он взял с усилием книгу в руки,
Прочел две строчки... Все равно, —
Читать теперь уже не стоит:
Он книги разлюбил давно.
Его ничто не беспокоит...
Сквозь дымку смотрит он на все,
Впадая тихо в забытье...

XV

Но вдруг – звонок. Он встрепенулся.
Блеснула мысль: ужель она?
И сразу к жизни он вернулся,
Душа смятением полна...
Вошла, обвинив его руками,
Еще холодными устами
Припала к трепетным устам...
Борис шептал: «Что это значит?..

Ты – здесь... Не верю я глазам!..
Ты, Ольга!..» Он смеется, плачет.
И смерти нет, недуг исчез,
И он здоров, и он воскрес!

XVI

Сидел в гостиной тетки важно,
В кругу внимательных гостей,
И говорил на «о» протяжно
Седой старик архиерей.
Когда племянница вернулась,
Старуха, молча, оглянулась
В свой черепаховый лорнет
И, бледность Ольги замечая,
Промолвила: «В мой кабинет
Прошу, зайдите после чая».
С флаконом спирта и платком,
С многозначительным лицом

XVII

Она ждала ее: «Вы смели
Уйти: признайтесь же – куда?»
– «К Каменскому. Не вижу цели

Скрывать...» – «Как, вы решились?...» – «Да».
– «Одна, без горничной!.. Прекрасно!..»
– «Меня удерживать напрасно:
Он болен, при смерти...» Но здесь
Покину сцену мелодрамы
И в двух словах открою весь
Расчет глубокий умной дамы:
Ей нужен Ольгин капитал,
Ее давно он привлекал.

XVIII

Старуха говорила много,
Упомянула этикет
И честь родной семьи, и Бога,
И «votre pauvre mère»⁶, и свет;
Была вполне красноречива,
Но, холодна и молчалива,
Ей внемлет Ольга: прежний страх
Исчез в душе ее бесследно.
Решимость строгая в очах,
Хотя лицо немного бледно,
Тиха, спокойна и светла,
Она в ответ произнесла:

⁶ Ваша бедная матушка (франц.).

XIX

«Ma tante⁷, я ложный стыд забуду,
Себя, быть может, погублю,
Пускай! К нему ходить я буду,
Так нужно: я его люблю!»
Старуха поднялась со стула
И с удивлением взглянула:
«Вы оскорбляете мой дом!..
Sortez!..⁸» – указывает двери
Она с трагическим лицом,
Решась прибегнуть к строгой мере.
«Страшитесь Божьего суда!
Вы мне чужая навсегда.

XX

Я с вами больше незнакома;
Молиться буду я за вас,
Чтоб вам Господь простил... Из дома
Прошу вас выехать тотчас».
Она уходит, шлейфом длинным
Шурша по комнатам пустынным.

⁷ Тетушка (*франц.*).

⁸ Вон! (*франц.*)

И Ольга собралась скорей:
Пошла к себе наверх украдкой,
Простилась с комнаткой своей,
С девичьей, старую кроваткой,
Связала в бедный узелок
Белье, две книги, образок

XXI

И вышла. К прежней гувернантке
Она извозчика взяла,
К старушке доброй, англичанке,
Что на Васильевском жила.
Во мраке улицы холодной,
Одна, в бобровой шубке модной,
Под белым шелковым платком
Она казалась очень странной
С своим несчастным узелком.
Печален ряд домов туманный
И фонарей дрожащий свет...
Но в сердце Ольги страха нет.

XXII

И шла к тому, кого любила,

Она, все прошлое забыв.
Откуда в ней – такая сила?
Откуда в ней – такой порыв?
Она ли не росла в теплице!
В благовоспитанной девице
Сказалась вдруг иная кровь,
Демократична и сурова.
О, русской девушки любовь,
Всегда на подвиг ты готова!..
Так силы девственной души
Уже давно росли в тиши...

XXIII

С больным сestroю милосердья,
Служанкой барышня была,
Сама, смеясь, полна усердья,
Варила суп и пол мела,
Все делала легко и смело
И с нежной строгостью умела
Улыбкой побеждать каприз;
Ее, не говоря ни слова,
Покорно слушался Борис...
В обитель мрачную больного,
Как утро вешнее, светла,
Она поэзию внесла.

XXIV

Теперь порядок в книгах, в целой
Фаланге стклянок, в чистоте
Подушки с наволочкой белой...
Следя за супом на плите,
Она с кухаркой подружилась,
И та в нее почти влюбилась.
Меняет Ольга простыни
Больного нежными руками,
А руки те в былые дни
Лишь в пальцах тонкими шелками
Умели шить, и нет при ней
Непоэтичных мелочей.

XXV

Борис не лгал, не лицемерил,
Он смерть предвидел; но, любя,
Как будто чуда ждал, не верил,
Еще обманывал себя:
В нем страх в борьбе с надеждой тайной...
Оставшись раз один случайно,
Держась рукой за шкаф, за стол
И стены, к зеркалу, пугливо

Он, озираясь, подошел,
И долго с жадностью пытливей
Смотрел, и сам себе чужим
Казался. Все, что было с ним, —

XXVI

Он понял вдруг, и, от испуга
Похолодев, с тоской в очах,
Печать смертельного недуга
Он узнавал в своих чертах...
Вдруг Ольга... «Что с тобой?..» В смущеньи
Остановилась на мгновенье.
Он отвернулся, покраснел.
Она прочла в лице больного
Весь ужас смерти. Посмотрел
Он с недоверием сурово,
К постели подошел и лег.
Но все ж в очах — немой упрек...

XXVII

Смутясь, они молчали оба.
Она не подымала глаз...
Дыханье смерти, — холод гроба

Меж них повеял в первый раз.
Он с непонятым раздраженьем
За каждым взором и движеньем
Смущенной Ольги наблюдал,
Но близость смерти неизбежной
Ловил намеки, избегал
Порывов искренности нежной.
Был рад, когда нашел предлог
И начал ссору, и не мог

XXVIII

Он победить в душе волненье:
«Я от людей давно ушел,
Чтоб умереть в уединенье...
Вы сами видите: я зол,
Жесток и мелочен... Вы правы, —
Вы трудитесь для Божьей славы!
Я понимаю вашу цель:
Вам хочется меня заставить

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.